
УДК 94(474.2) + 94(474.3) + 94(470) +
+ 929 + 316.342.2

Юрген Хайде

**ЛИВОНΙΑ ПОД ВЛАСТЬЮ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ.
БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ
И СОЦИАЛЬНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ**

**LIVONIA UNDER THE POLISH-LITHUANIAN
COMMONWEALTH. THE STRUGGLE FOR POWER
AND THE SOCIAL TRANSFORMATION**

The article describes the controversial correlation of forces in Livonia's fight to retain its status quo. The geopolitical situation caused Livonia, though a sovereign but highly dependent state, to gradually disappear. Livonia's structure was far from monolithic; it was a complex of secular, church, order and city jurisdictions. There were estates that had either lost or acquired rights. Internationally, this European province, whose territory was being claimed by the Polish-Lithuanian Commonwealth, Sweden, Denmark, and Russia, was incapable of surviving in the intensifying political and military confrontations that dominated the region in the last third of the 17th century.

Key words: Livonia; Polish-Lithuanian Commonwealth; Sweden; Denmark; Russia; Polish gentry; Livonian order; Riga archbishopric; secular and church feudal lords; city estates; nobility; peasantry; Sigismund II Augustus; Sigismund III; Charles, Duke of Södermanland (Charles IX); Stephen Báthory.

Дается развернутая панорама противоречивого соотношения сил в борьбе Ливонии за сохранение своего status quo. Стремительно менявшаяся геополитическая ситуация сложилась не в пользу существования Ливонии как сильно зависимого, но все же самостоятельного государственного образования, что привело к его постепенному упразднению. Внутреннее устройство Ливонии не было монолитным, это был сложный конгломерат различных юрисдикций: светской, церковной, орденовой, городской. Здесь тоже были сословия, потерявшие или приобретшие свои права. Во внешнеполитической перспективе европейская провинция, на которую заявляли свои права польско-литовское государство, Швеция, Дания и Россия не могла устоять в обострившей обстановке военно-политического противостояния сил, доминировавших в регионе, и к концу XVI в. это стало очевидным фактом.

Ключевые слова: Ливония; Речь Посполитая; Швеция; Дания; Россия; шляхта; Ливонский орден; Рижское архиепископство; светские и церковные феодалы; городские сословия; дворянство; крестьянство; Сигизмунд II Август; Сигизмунд III; Карл фон Сёдерманланд (Карл IX); Стефан Баторий.

Историография вопроса

С 1582 по 1629 г. Ливония находится под властью Речи Посполитой, т. е., с конца Ливонской войны до заключения Альтмарктского перемирия, когда почти вся провинция отошла под власть Швеции; данный период является наименее исследованным в истории Балтийского региона. Это касается как немецкоязычной (немецко-балтийской), так и эстонской, и латвийской историографии [см. Rauch, S. 413f.; Heyde, 2003; 2008]¹. Немногим больше имеется исследований в полоноязычной научной литературе, но и здесь некоторые основополагающие труды относятся к временам до начала Второй мировой войны [Heyde, 2003; 2008]. Это работы Эдварда Кунтце об административном управлении и Казимижа Тышковского о конфессиональной политике польских властей [Kuntze; Tyszkowski, 1938; 1939]. Основной упор в польских исследованиях делается на Польско-шведскую войну 1600–1629 гг., о которой в последние десятилетия особенно много написал Хенрик Виснер [Wisner, 1970; 1991; 2001; 2005; Herbst]².

До сих пор нет подробного обобщающего описания данной эпохи. Исследования политической истории рассматриваемого периода очень немногочисленны; лучшим введением в тему на немецком языке является до сих пор «История Балтики» Рейнхарда Виттрама (1954). Основное внимание автор уделял военным действиям, лишь побочно касаясь административного управления, конфессиональной и городской политики [Wittram]. Более краткое формальное изложение этой темы находим в работе Хайнца фон цур Мюлена «Страны Балтии» (1994) [Mühlen]³. Недостатком обеих работ является анахроничная перспектива трактовки истории в русле национальной конфронтации. Интересным подходом, хотя и несколько традиционным, отличается «История балтийских стран», увидевшая свет в 1999 г. в Таллине, – совместная монография литовских, латышских и эстонских авторов⁴. Необходимо также упомянуть третий том «Eesti Ajalugu», полностью посвященный времени между 1561 и 1710 гг. Первоначально он был опубликован еще в 1940 г. [Eesti Ajalugu III].

¹ Георг фон Раух относит это также на счет «подспудных конфессиональных предпосылок».

² См. также статьи Анны Жемлевской, Мариуша Балцерека и Аркадиуша Чволека [Wojny Północne w XVI–XVII wieku].

³ О времени польского господства см. также [Livland unter polnischer Herrschaft, S. 180–182; Die Gegenreformation in Livland, S. 183–187].

⁴ См. также нем. [Geschichte des Baltikums] и русскоязычное издание [История балтийских стран].

На латышском языке имеется краткая история «Latvijas vēsture», вышедшая из-под пера эмигрировавших Эдгара Дунсдорфса и Арнольда Шпекке [Dunsdorfs, Spekke].

В социальной истории историографическая традиция прибалтийских немцев сосредоточивала свое внимание прежде всего на истории дворянства раннего Нового времени⁵, напротив, для эстонской и латышской исследовательской традиций характерно обращение к истории крестьянства. Времени польского правления посвящены монографии Энна Тарвела и Василия Дорошенко, а также автора этой статьи [Тарвел; Дорошенко; Heyde, 2000]. Положительные импульсы получило в последнее время исследование городской истории благодаря монографическим исследованиям по истории Дерпта – Маргуса Лайдре [Laidre] и Риги – Анны Жемлевской [Ziemlewska, 2008].

В менее выгодном положении оказалась история религии. До сих пор основным трудом является статья Казимижа Тышковского 1939 г. Работы на немецком языке «История церкви Балтики» [Baltische] 1956 г. издания и обширная статья Александра Лоита «Реформация и конфессионализация» [Loit] 2009 г. оставляют совершенно без внимания вопрос рекатолизации Ливонии раннего Нового времени и рассматривают историю церкви исключительно в перспективе протестантизма. Эту историографическую лакуну отчасти восполняет работа Энна Тарвела «Церковь и третье сословие балтийских городов XVI–XVII столетий», который уделяет внимание и русской православной церкви в Ливонии во время Ливонской войны. Более полной, хотя и не свободной от национальных стереотипов, является краткая история «польской контрреформации в Ливонии» Герхарда Клееберга 1931 г. [Kleeberg]. Из недавних исследований можно назвать работу Кристофа Шмидта «Посеяны на скалах» («Auf Felsen gesät») [Schmidt], одна глава которой посвящена польской религиозной политике в Ливонии. В ней показаны основные события – от Календарных беспорядков в Риге до деятельности Ордена иезуитов – и политический масштаб религиозной политики Польши. Деятельность Ордена иезуитов в Дерпте описана в монографии Велло Хелкса 1977 г., переизданной в 2003 г. на эстонском языке [Helk, 1977; 2003]. Рижский ученый Гвидо Штраубе занимается аналогичной темой, но озвучил до сих пор лишь основные направления своей исследовательской программы [Straube, 2003; 2008].

От Ливонской конфедерации до провинции Ливония 1561–1582 гг.

Время между 1561 и 1621/29 гг. в истории Ливонии традиционно считается «временем польского правления», что нуждается в уточнении. С одной стороны, понятие «Ливония» модифицировалось

⁵ Наряду с приведенными обобщающими работами см. [Heyde, 1998].

во время Ливонской войны. До 1561 г. оно распространялось на всю территорию Ливонской Конфедерации, после 1582 г. определяло собственно ливонскую провинцию севернее Двины и герцогства Курляндского, а также южнее доминиона Шведской Ливонии (княжества Эстонского), в то время как остров Эзель (эст. Сааремаа) до 1645 г. находился под датским правлением. С другой стороны, исторически сложилось так, что с этим регионом взаимодействовала не столько Польша, сколько Великое княжество Литовское, имевшее тесные связи с Ливонией. Особенно это можно отнести ко времени после Люблинской унии 1569 г., но и позже позиция литовской стороны оказывала решающее значение на отношения между Ливонией и польско-литовским государством.

К середине XVI в. обозначились глубокие изменения в политической архитектуре Балтийского региона. Реакция на требования Великого Московского княжества в адрес Дерптского епископства показала внутреннюю разрозненность Ливонской Конфедерации. Нарастающая напряженность в северо-восточных областях Балтии не могла оставлять безучастным Польско-Литовское княжество, хотя король Сигизмунд II Август и понимал, что открытое выступление на стороне Ливонии неизбежно приведет к новому конфликту между Москвой и Великим княжеством Литовским. Поэтому король ограничился лишь декларацией политической программы по отношению к Ливонии в Позвольском договоре 1557 г. Он выступил также в так называемой «позвольской выправе» или «войне коадьюторов» протектором Рижского архиепископства и заключил с магистром Ливонского ордена оборонительный союз против Москвы, который вступал в силу лишь после окончания действия договоров Литвы и Немецкого Ордена с последней [Tiberg; Dogiel, S. 210–215].

После того, как Иван IV в 1558 г. отдал приказ о захвате города Нарвы, напав таким образом на Немецкий Орден в Ливонии, вступил в силу *casus foederis*, или исполнение обязательств в рамках союзнического договора: договор о ненападении между Литвой и Москвой имел свою силу еще до 1562 г. В сложившейся ситуации Орден искал поддержку у соседей. Переговоры магистра Ливонского Ордена Фюрстенберга с Данией привели к подписанию с ней договора в январе 1559 г. при условии уступки последней Эстляндии; одновременно Фюрстенберг послал делегацию с просьбой о помощи ко двору польского короля. Как один из вариантов обсуждалось присоединение Ливонии к личной (персональной) унии Королевства Польского и Великого княжества Литовского, но не могла быть достигнута единая точка зрения касательно условий, на которых это должно было произойти. Магистр Ливонского ордена и ливонские привилегированные сословия стремились, по примеру Пруссии, добиться присоединения к унии. Король Сигизмунд II Август и литовская знать желали объединить Ливонию с Великим княжеством Литовским, а польские привилегированные сословия не желали участвовать в конфликте на Северо-Востоке.

В конечном итоге в принятых Виленских договорах был найден компромисс: Ливонский Орден и Рижское архиепископство соглашались подчиниться непосредственно королю⁶. В дальнейших переговорах с литовскими сенаторами король продолжал выступать за инкорпорацию в Великое княжество Литовское. По его мнению, совпадавшему с мнением литовских сенаторов, присоединение Ливонии к Литве было исключительно выгодным из-за торгового пути по Двине, в то время как для польской короны он не играл никакого значения. Решающим же фактором для Ливонии было опасение по поводу неспособности Литвы выдерживать в одиночку долгое время военную конфронтацию с Москвой. Ливонские привилегированные сословия понимали, что литовское боярство гораздо менее влиятельно по сравнению с польской шляхтой (это должно было кардинально измениться после заключения Люблинской унии 1569 г.). Присоединение Ливонии к Польше означало бы значительное усиление власти шляхты по отношению к магнатам.

После более чем двух лет переговоров в ноябре 1561 г. была подписана Виленская уния (*Pacta Subjectionis*). Будучи последним магистром Ливонского ордена, Готхард Кетлер был объявлен герцогом Курляндским и Семигальским, а также стал губернатором Лифляндии. Прежние территории Ордена и Рижское архиепископство (которому архиепископ Вильгельм принес присягу на верность) должны были быть подчинены непосредственно польскому королю, но их степень подчиненности по отношению к обеим частям Речи Посполитой должна была быть определена позже [Klot].

Готхард фон Кетлер, последний ландмейстер Ливонского ордена, передавший его территории в 1561 г. под протекторат Польско-Литовского государства, первый герцог Курляндии. Портрет неизвестного художника

На данном этапе значение личности короля Сигизмунда II Августа было решающим для успеха переговоров [Sucheni-Grabowska, S. 369–399, 281–302]. Уже с середины 1550-х гг. он активно выступал за более широкий ангажемент Польши в Ливонии и введение протектората. Польский сейм, не видя в присоединении Ливонии очевидной пользы, рекомендовал сдержанную политику, опасаясь роста затрат на содержание армии и иных финансовых расходов. Еще в 1556 г. он потребовал от короля созвать общий сейм, чтобы обсудить политику по отношению к Ливонии, возобновив это требование перед подписанием Виленской унии в 1561 г. В ответ на это король созвал лишь сенаторов в Ломже в Мазовии, но те не стали принимать окончательного решения по поводу Ливонии, вновь потребовав созыва

⁶ Виленские договоры см. [Dogiel, S. 210–233].

общего сейма [Michalski, S. 157f.]. В последующие годы этот вопрос отошел на второй план. Ввиду большой заинтересованности короля и литовской знати в инкорпорации Ливонии, польский сейм пытался разыграть эту карту во время переговоров по Люблинской унии между Польшей и Литвой для того, чтобы получить больше преимуществ в свою пользу. Общие сеймы 1562/63 и 1564 гг. решительно отклоняли прения по этой проблематике, пока не будет достигнуто соглашение о конфедерации между двумя субъектами польско-литовской унии.

Хотя рижские привилегированные сословия не присягали в 1561 г. польскому королю на верность, в 1563 г. они предотвратили попытку секуляризации рижским коадьютором Христофором Мекленбургским владений архиепископства в пользу Швеции и выдали его Польше. Готхарду Кетлеру, которому было поручено управление только что образованным герцогством Курляндским и Семигальским и Задвинской Ливонией, также не удалось распространить свое влияние на всю территорию бывшей Ливонской конфедерации. Не помог ему и захват с помощью польских войск города-порта Пярну в 1565 г., когда Кетлер натолкнулся на решительное сопротивление рижского архиепископства. По инициативе рижских городских сословий король Сигизмунд II Август отозвал в августе 1566 г. Кетлера с должности управляющего Задвинской Ливонией; на его место был назначен литовец Ян Ходкевич, получивший должность губернатора. Последнему удалось привлечь на свою сторону членов ливонского ландтага в Кокенгаузене, проголосовавших за унию с Литвой. С этого времени так называемое Задвинское герцогство (*ducatus ultraduniensis*) было подразделено на четыре административных округа с центрами в Риге, Турайде, Вендене и Динабурге и охватило, таким образом, лишь те области, которые до сих пор находились под влиянием польской короны. Одновременно с этим были упразднены прежние ливонские административные границы (прежде всего между территориями Немецкого ордена и рижского архиепископства) [Donnert, S. 89–91; Kuntze, S. 14; Staemmler, S. 36; Tarvel, S. 61; о союзной привилегии см. Dogiel, S. 269–273, 273–278; ср. с *Pacta Subjectionis*: Klot, S. 130–132].

В 1569 г., когда польские и литовские привилегированные сословия решили заключить Люблинскую унию и перейти от личной унии к союзу государств, ливонский вопрос так и не удалось решить окончательно. Но в отличие от литовско-ливонского договора 1566 г. в заключительном акте Люблинской унии говорилось о необходимости равного подданства Ливонии как польской короне, так и Литве, принесших большие жертвы в присоединении последней [Volumina Legum, S. 94; Kuntze, S. 14]. Несмотря на то, что представители Ливонии не участвовали в переговорах, король Сигизмунд II Август пообещал заняться решением их вопросов на следующем общем сейме. Но ни в 1570 г., ни в последующие годы на общих сеймах этого не произошло. Принципиально изменилась политическая обстановка: царь

Иван IV привлек на свою сторону герцога Магнуса Голштейнского, принца датского, обещанием помочь ему стать «королем Ливонии». Магнус уже в 1559 г. стал епископом Курляндским и приобрел остров Эзель (Сааремаа). Многочисленные представители ливонского дворянства поддержали Магнуса, когда тот возглавил русские отряды в 1570 г. во время похода в Ливонию. К моменту наступления русских войск в 1572 г. еще более усилились сомнения в лояльности ливонцев [Kuntze, S. 14, S. 50 mit Anm. 77; Heyde, 2006].

Во время междуцарствий 1572 и 1574–1576 гг. борьба за влияние в Ливонии как в ней самой, так и за ее пределами ослабла, т. к. Ивана Грозного больше интересовала возможность наследования польской короны [Bues, S. 29–32; Augustinowicz, S. 39f., 86f.]. Только после выбора Стефана Батория было начато новое наступление русских войск, дошедших до стен Риги и Ревеля. Стефан Баторий оставил поначалу действия русских войск без внимания, сконцентрировавшись на польско-литовском театре военных действий, где он пытался вернуть захваченные Москвой в 1563 г. литовские земли. Одновременно он вошел в сношения с королем шведским Иоганном III, также женатым на одной из сестер последнего короля из династии Ягеллонов. В операциях между 1579 и 1582 гг. им удалось вытеснить русские войска из Ливонии и принудить Ивана IV к перемирию. Северная часть прежней Ливонской конфедерации с уездами Харью, Вирланд, Йервен и Виик была объявлена под шведским протекторатом и называлась княжеством Эстляндским, область же, находившаяся южнее их вплоть до Двины образовывала польскую провинцию Ливонии – Задвинское герцогство. Города Йервен и Виик, отказавшиеся подчиниться шведам в 1561 г., были заняты шведскими войсками только в 1582 г., после того как русские войска оставили их. По этой причине польская сторона видела здесь нарушение своих прав, закрепленных в Виленской унии 1561 г., но Стефан Баторий ограничился протестом; он не был готов к военным действиям против своего неформального союзника [Franz, S. 86; см. Almquist, S. 73, Anm. 3].

От изоляции к интеграции

После окончания войны политическим акторам не было до конца понятно, какое же место в будущем должна была занять Ливония в польско-литовском государстве. Поначалу она воспринималась лишь как военный форпост в борьбе с Московским государством, аналогично центру северо-восточного региона Великого княжества Литовского Смоленску. Король Стефан Баторий планировал сначала разобрать все ливонские замки, не задействованные в защите границ государства, т. к. наличие большого количества крепостей лишь помогло бы противной стороне укрепиться на этой территории. Дворяне получали право лишь оставить за собой жилую усадьбу

[Heyde, 2000, S. 38f.]. В связи с тем, что провинция за 25 лет войны обезлюдела, за вербованными военными колонистами предполагалось заселить стратегически важные районы. В этом случае Ливония оставляла за собой особый статус, будучи своего рода «королевским протекторатом», отрезавшим Россию от Балтийского моря, чтобы защитить границы Литвы.

Карта Ливонской конфедерации второй половины XVI в. Иоанн Портанций, 1573 г.

Стефан Баторий не скрывал своих намерений, введя еще в 1582 г. новое административное устройство в Ливонии. Так называемое Собрание законов Ливонии („Constitutiones Livoniae“) не было представлено на обсуждение общему польско-литовскому сейму, но было утверждено на ливонском ландтаге в 1583 г. Административное деление не оставляло никаких признаков от прежних традиций. Были образованы три округа с центрами в Вендене, Пярну и Дерпте; президенты этих округов должны были иметь такие же полномочия, как и воеводы в королевстве Пруссия. Судебные ландтаги, введенные как признак провинциального самоуправления, служили инстанцией, утверждающей в должности; в то время как апелляция к королю не была предусмотрена.

Собрание законов Ливонии содержало также новшества социального порядка. Дворянство получало право приобретать недвижимое имущество граждан городских привилегированных сословий, а граждане – земельные владения феодалов. В этом случае они должны были взять на себя связанные с этим обязанности. Таким образом, более не имелось разграничения в правах между обеими социальными группами. «Дворянство» перестало дефинироваться как социальная привилегия по рождению, но принимало чисто функциональное значение. Исключенным из этой новой сословной принадлежности являлось крестьянство. Конституция категорически запрещала крестьянам владеть оружием, гарантируя им одновременно особую защиту короля [Staemmler, S. 78–81; Tarvel, S. 65–69].

Для последних лет правления Стефана Батория характерны споры по поводу статуса Ливонии в Речи Посполитой. С литовской стороны следовали постоянные напоминания о том, что провинция была инкорпорирована в Великое княжество Литовское уже договором 1566 г., в то время как с польской стороны указывалось, что для овладения

Ливонией необходимо было применить оружие, а значит, обе половины унии имеют равные права на провинцию и, в частности, на раздачу служебных мест [Dyariusze sejmowe 1585 r., S. 334 (Dodatek I: Sejm walny koronny w Warszawie 1582), 255, 261f., 356; Heyde, 2003a, S. 162–165].

В течение 1580-х гг. Ливония стала своего рода катализатором, обострившим нерешенные глубокие проблемы, заложенные со времени образования конфедерации в 1569 г. Особенно очевидным это стало во время междоусобицы – до восшествия на престол Сигизмунда III Вазы в 1587 г. Обе стороны пытались перетянуть нового монарха на свою сторону, чтобы получить максимальное количество привилегий. В конечном итоге ими было сделано предложение поделить Ливонию на польскую и литовскую части, но король решительно отклонил его, т. к. это несло в себе, по его мнению, потенциальную опасность для унии. Новая провинция несла в себе зерно раздора еще и потому, что, как сын короля Иоганна III и наследник шведского престола, Сигизмунд был обязан польским и литовским привилегированным сословиям содействовать Речи Посполитой в возвращении Эстонии [Diaryusze sejmowe r. 1587, S. 70f.].

В 1589 г. Сигизмунд III предложил на общем сейме в Варшаве принять новые статуты провинции: «*Ordinatio Livonica*» [Volumina Legum II, S. 278–280; Tarvel, S. 72f.; Heyde, 2000, S. 71f.]. Они мало что меняли в ее административном порядке; непосредственная задача статутов заключалась в разрешении конфликта между польской и литовской сторонами в борьбе за влияние в Ливонии. Теперь служебные должности распределялись равномерно между представителями польской и литовской национальности. То же самое касалось и доходов с провинции, поступающих попеременно в польскую и литовскую казну. Все постановления общего сейма должны были утверждаться как польской, так и литовской печатями. Местное, ливонское дворянство не было упомянуто в них ни единым словом. Периферийное географическое положение новой провинции внутри двойной монархии обусловило ее второстепенную политическую роль и маргинализацию политической ливонской элиты. Но, собственно, такое положение вещей соответствовало тому незначительному политическому влиянию, которое имела Ливония в польско-литовском государстве. При новой констелляции с Сигизмундом III Вазой как королем Польши и великим князем Литовским и его отцом Иоганном III как королем Швеции, когда больше не исходило прямой угрозы от Москвы, балтийские провинции оказались в центре внимания династической географии.

Данная политическая ситуация просуществовала недолго. После смерти Иоганна III в 1592 г. Польша и Швеция стояли перед неразрешимой проблемой: наследник престола католического вероисповедания из Польши в протестантской Швеции. Этим противоречием воспользовался младший брат Иоганна, герцог Карл фон Сёдерманланд, поставивший в 1594 г. под вопрос легитимность прав Сигизмунда на шведский престол. В политической полемике обоих представителей династии Ваза

большую роль сыграла их конфессиональная принадлежность, хотя для элиты обеих стран речь шла еще и о том, в какой стране будущий король будет находиться фактически. Этот вопрос волновал более всего польско-литовскую элиту; уже во время выборов Сигизмунда III последний был вынужден взять на себя определенные обязательства, причем его планы по поводу шведского престола были встречены польскими элитами исключительно сдержанно [Heyde, 2000, S. 76–81].

В последующие годы этот династический конфликт в королевском доме Ваза еще более обострился. Одновременно с этим в центре внимания оказались балтийские провинции. Карл фон Сёдерманланд обвинял Сигизмунда в намерении лишить Швецию Эстонии, предъявляя одновременно свои права на Ливонию. Сигизмунд отреагировал на это новыми статутами, аннулировавшими второстепенное положение Ливонии и предоставившими ее гражданам широкие права. Во Вторых статутах “*Ordinatio Livonica II*” 1598 г. округа (*Präsidiat*) были переименованы в воеводства, а лица, возглавляющие их, получили место и право голоса на общем сейме. Теперь все должности и чины в провинции были доступны и для граждан Ливонии. Прежний принцип ротации должностей был сохранен, но дополнен ее участием. Теперь каждая должность занималась поочередно представителями трех «наций»: польской, литовской и ливонской. Королевские комиссары, назначенные для реализации новых статуты, были обязаны следить за правильностью их исполнения. Свои наказания общему сейму и королю ливонцы могли теперь скреплять печатью провинции. Все высокопоставленные чиновники обязаны были присутствовать в местах своей службы. Новое правило было направлено против представителей польско-литовской элиты и должно было прекратить практику использования административных должностей в Ливонии лишь как доходных мест. Положения “*Ordinatio Livonica II*” были почти полностью реализованы на практике, что дало гражданам Ливонии возможность занимать почетные должности старост и другие высокие посты [Volumina Legum II, S. 377f.; Hoffmann, S. 80f., см. также ниже главу «Ливонское дворянство в польский период»].

Нападение Карла фон Сёдерманланда в 1600 г. с территории Шведской Эстонии на Ливонию стало проверкой того, насколько ливонские элиты оценили и приняли запоздалый жест короля Сигизмунда и польско-литовской знати. Быстрым броском шведские войска продвинулись до южной Ливонии, но не смогли овладеть Ригой или принудить ее перейти на сторону Швеции. Короткое время наблюдалось небольшое число перебежчиков в лагерь Карла [Bienemann; Königlich]⁷. Но уже вскоре после шведского вторжения польско-литовские войска совместно с ливонскими отрядами вошли в Эстонию. В битве под Кирхгольмом в 1605 г. они наголову разбили войска Карла [Wisner, 2005; Dybaś; Frost, S. 62–69].

⁷ Анна Жемлевска обратила недавно внимание на то, что иные польские представители власти, например, воевода города Пярну Мачей Дембински, переходили на сторону противника [см. Ziemlewska, 2008, S. 211 mit Anm. 837].

В 1607 г. Сигизмунд III издает новый Основной закон для Ливонии [Volumina Legum II, S. 441; vgl. Tarvel, S. 76f.], еще более расширивший привилегии ливонского рыцарства: ливонцы получали право свободного доступа к высоким должностям и чинам на всей территории Речи Посполитой. Теперь ранг Ливонии ничем не уступал прочим провинциям и округам польско-литовского государства, ливонское дворянство было полностью уравнено в правах с шляхтой. И хотя Сигизмунд III проиграл борьбу за шведский трон, была сохранена территориальная целостность двойной монархии.

Потеря Ливонии (1617–1629)

К концу эпохи события, вновь развернувшиеся вне пределов Ливонии, сыграли в ее судьбе решающую роль. Речь идет о растущем внутри- и внешнеполитическом напряжении в Речи Посполитой на ее юго-восточных рубежах в конце XVI в. С 1589 г. украинские воеводства становятся жертвой набегов татар. Казаки, принявшие на себя основной удар османов и обязанные защищать границу, все больше становятся фактором риска для дворянской республики. Эта проблема, самое позднее после восстания казаков 1596/97 г., постоянно обсуждалась на совещаниях польско-литовских общих сеймов [Volumina Legum II, S. 364 (1596), 401 (1601), 465 (1609), etc.; см. Jakowenko, особ. s. 192–197].

Карл фон Сёдерманланд, избранный в 1604 г. шведским рейхстагом королем, сосредоточил свое внимание на укреплении своей власти в центральных владениях Швеции и лишь изредка вступал в небольшие военные столкновения за их пределами [см. Ziemelewska, 2008, S. 210–232]. Военное положение стабилизировалось, и в 1611 г. обе стороны заключили перемирие на пять лет. К этому времени права Сигизмунда на шведский трон стали чисто формальными, не имевшими под собой реальной основы. После смерти Карла IX власть наследовал его сын Густав Адольф в Стокгольме. Благодаря перемирию с польско-литовским государством у него было достаточно времени, чтобы закончить войны с Данией и Россией, прежде чем он вновь напал на Ливонию в 1617 г.

В 1621 г., когда Османская империя напала на Речь Посполитую вследствие постоянных вооруженных рейдов казаков, а Густав Адольф вновь начал войну за Ливонию, граждане Ливонии отказались предоставить Сигизмунду денежные средства для организации эффективной обороны на северо-востоке страны. Для дворянской республики война против османов была куда более важной, чем династический спор с домом Вазы, даже ценой потери Ливонии [см. Wisner, 1991, s. 468, 480; Wisner, 1970a; 1970b; 2001].

У короля не было возможности навязать свои условия сословиям Речи Посполитой. Литовский канцлер Лев Сапега в 1622 г. так описал положение Сигизмунда III: «Он не хочет мира, но и для ведения

войны у него нет средств» [Wisner, 1970b, s. 485; см. Ramm-Helsing, S. 124]. Ввиду военных успехов Густава Адольфа королю не оставалось ничего иного, как заключить с ним перемирие в 1629 г., по условиям которого он отказывался от большей части ливонской провинции, хотя и носил еще долгое время среди прочих ставший чисто формальным титул «короля Швеции» [Wisner, 2002]. Договор, заключенный при Альтмаркском перемирии, подтвердил права Швеции на свои владения в Ливонии. Польско-литовское государство смогло оставить за собой лишь юго-восточную часть своей прежней провинции с округами Динабург, Розиттен, Люцин и Мариенгаузен.

Религиозная политика и религиозность

Религиозная политика польского периода является темой, наиболее часто вызывающей полемику. «Польская контрреформация» и связанные с этим конфликты на конфессиональной почве интерпретировались (не только в историографической традиции балтийских немцев, но и польскими историками) исключительно как антагонизм, имеющий своим результатом потерю провинции после 1621 г. Напротив, в более новых исследованиях большее внимание обращается на интегративный потенциал, усилия, направленные посредством католической конфессионализации к «более тесной интеграции в польско-литовской республике» [Dybaś, 2006, S. 508f.]⁸. Также в них подчеркивается факт гибкой конфессиональной политики Стефана Батория [Ibid., S. 510].

Во второй четверти XVI в. движение Реформации охватило всю Ливонию и стало в ней главным церковным движением. На уровне же высшей власти провинции, т. е. Ливонского ордена и епископов, не наблюдалось никаких признаков конфликта с католической церковью, не говоря уже о разрыве с ней. Положение изменилось в 1559 г., когда Дании были проданы землевладения епископств Эзель-Виик и Курланд (Пильтен). Оба капитула выбрали Магнуса, брата датского короля, своим епископом, хотя тот был протестантом. После этого принцу Магнусу было уступлено владение Ревелем: архиепископство Лунд, ранее принадлежавшее Ревелю, было уже со времен Реформации в Швеции протестантским, поэтому епископы в Ревеле сблизились еще больше с Ригой [см. Loit, S. 74–81; Wittram, S. 64–72]. В 1558 г. епископ Дерптский был депортирован в Россию. В 1561 г., во время секуляризации части тогдашней территории Ордена и создания на его территории герцогства Курляндского как первого протестантского административного образования на территории «старой» Ливонии, магистр ордена Готхард Кетлер получил подтверждение своих прав в *Privilegium Sigismundi Augusti* в том, что лютеранское вероисповедание должно было быть единственным на территории герцогства.

⁸ См. схожую трактовку о Стефане Батории у [Tyszkowski, s. 9].

И все же архиепископство Рижское во время правления Вильгельма Бранденбургского (двоюродного брата польского короля) осталось католическим. После смерти Вильгельма в 1563 г. попытка протестантской секуляризации рижского архиепископства сорвалась из-за сопротивления местных рыцарей-вассалов.

По окончании войны старые территориальные границы исчезли, так же, как совершенно изменились религиозно-политические параметры. Ливония считалась в религиозном отношении захваченной страной, по отношению к которой не существует никаких обязательств. Польский придворный проповедник Петр Скарга цитировал в 1581 г. письмо короля Стефана Батория, согласно которому Ливония являлась чистым листом бумаги (*"tamquam tabulam rasam"*), где необходимо было выкорчевать все ереси и насадить католическую веру [цит. по: Tyszkowski, s. 7]. Несмотря на это, в том же году Рига получила Дрохичинскую привилегию, гарантировавшую свободу вероисповедания для приверженцев лютеранской конфессии. Король оставил за собой право устанавливать порядок в Риге и располагать церковным имуществом [Tyszkowski, s. 11]. В *"Constitutiones Livoniae"* 1582 г. вопросы веры были описаны в 3 части под заголовком *"de dissidentibus in religione"*. Приверженцам Аугсбургского вероисповедания как *"unica post religiam catholicam"* была гарантирована свобода совести; в отличие от 1561 г., аннулировалась возможность исключать католиков из совета или запрещать католические службы в городских общинах, что привело протестантское духовенство и протестантские семьи членов Совета в большое замешательство [Johansen, S. 707f.].

В центральном Вендене было образовано католическое епископство, но его организация шла вяло: предполагавшийся на место епископа Ян Димитр Соликовски (после 1582 г. архиепископ Лембергский) и другие кандидаты сначала вообще не приехали в провинцию. Только в 1586 г. Андрей Нидецкий прибыл в Ливонию и поселился в Вольмаре, где он в начале следующего года скончался. Лишь наследовавший ему ливонец Отто Шенкинг возглавлял архиепископство до потери Ливонии в пользу Швеции [Kuntze, 1938b; Tyszkowski]. Новый епископ попытался прежде всего прекратить протестантские богослужения среди крестьянского населения, т. к. крестьяне оставались в начале польского правления «в принципе все католиками», а значит, не было и необходимости принуждать их к принятию новых религиозных порядков (т. е. лютеранского вероисповедания) [Tazbir, S. 731; см. Helk, S. 157–175]. Его инициативы не были поддержаны администрацией на местах. Согласно источникам Ордена иезуитов, со стороны его членов часто были слышны жалобы на то, что в поветьях, непосредственно подчиненных польским властям, продолжалась постановка в должности протестантских чиновников, затруднявших их деятельность; даже такое ответственное лицо, как старостинский эконом Георг Шенкинг (брат епископа) в Дерпте, был протестантом [Helk, S. 117f.].

После начала в 1601 г. Польско-шведской войны часть отторгнутых имений была передана епископству Венденскому, что вызвало резкий протест польских и литовских сословий, критиковавших привилегированное положение иезуитов и то, что сделанный упор на конфессиональные предпочтения нарушает имущественные отношения в провинции [Tyszkowski, s. 26]. Несмотря на то, что в последующие годы в актах королевской канцелярии регулярно делается акцент на свободе вероисповедания, столкновения на религиозной почве остаются повседневным явлением. В Риге иезуиты жаловались на ограничения, в то время как в Вендене лютеранский проповедник был вынужден покинуть город, а в Дерпте проповеди в протестантских общинах на эстонском языке были запрещены [Tyszkowski, s. 27; Ziemlewska, 2008, s. 90f.]. Взаимные жалобы возникали прежде всего в городах, напротив, в сельской местности отношения были иными. Ревизия поместий 1599 г. и визитация католических церквей в 1613 г. не выявили никаких острых конфессиональных противоречий. В обоих источниках имеются указания на то, что создание сети католических общин в Ливонии почти никак не продвинулось. Лишь немногие королевские чиновники заботились о католических церквях в рамках своей ответственности [Tyszkowski, s. 29f.; см. Kleeberg, s. 98–110].

Важным источником о состоянии религиозных отношений являются доклады, посылавшиеся монахами ордена иезуитов из Риги, Дерпта и Вендена своему орденскому начальству. Сразу после окончания Ливонской войны они рисовали мрачную картину запустения в религиозных делах; королевский придворный проповедник Скарга жаловался, что в стране не осталось ни одного католического священника, а папский нунций Бологнетти констатировал полное забвение христианских обычаев: последним реликтом христианской веры он называл крещение ливонских крестьян почти совершенно ослепшим старцем, не помнившим правильной формулировки, произносимой во время важнейшего христианского таинства крещения [Kuntze, S. 445]. Поэтому в первые годы иезуиты особое внимание обращали на душепопечительную работу среди «ненемецкой» (эстонской и латышской) паствы на селе. При этом церковные обряды проводились с помощью так называемых мобильных алтарей, а также массовых крещений и свадеб [Tazbir, S. 731; Tyszkowski, s. 17; Helk, S. 78–85].

Проповедники, говорившие на эстонском и латышском языках, получали образование в открытых для этой цели иезуитских училищах Дерпта и Риги [Helk, S. 198]. Священнослужители же из Польши заботились прежде всего о душепопечении в польских гарнизонах и среди чиновников в провинции. Немецкоязычные иезуиты, особенно из Браунсберга, пытались вести проповедническую деятельность в городах, что вело к частым конфликтам с протестантскими священниками и городскими властями. Повсеместное введение католических богослужений не смогло быть достигнуто вплоть до конца польского правления. Среди немецкоязычного населения не наблюдалось

сколько-нибудь серьезных попыток миссионирования. Напротив, по причине такового среди не «немецкого» населения возникали серьезные конфликты: в 1589 г. епископ Вендена приказал арестовать священника евангелическо-лютеранской церкви старостинской экономии в Дерпте для того, чтобы добиться на деле запрещения существовавших протестантских обрядов (проповеди, крещения и венчания) во владениях Дерпта. В то же самое время в городском совете Дерпта обсуждался вопрос о приглашении польскоязычного проповедника для живущих в Ливонии польских и литовских протестантов [Helk, S. 120–122]. За конфессиональными аргументами видна борьба за политическое главенство.

В докладах иезуитов в первую очередь говорится об успехах миссионирования. Как правило, уже вначале сообщается о массовом вливании в церковь новых прозелитов. Позже становится очевидным, что миссионерам не удалось установить прочных оснований католической веры среди не немецкого населения, несмотря на то, что после окончания власти Польши в ранних шведских источниках время от времени повторяются упоминания о проявлении симпатий крестьян по отношению к иезуитам [Helk, S. 192f.; Tazbir, S. 731f.]. Вообще же, конфликт между католической и протестантской конфессиями в вопросах богослужебной практики в провинции отступал на второй план в борьбе против языческих верований. В годовом отчете 1600 г. упоминается, что миссионеры-иезуиты вынуждены были валить деревья, являвшиеся объектом поклонения. В более поздних источниках также часто встречаются упоминания о наличии синкретизма [Luven, S. 292–297], что объясняет, почему конфессионально-религиозная агитация не имела большого успеха. При этом крестьяне ясно отдавали себе отчет о существовании полемиического фронта между католиками и протестантами. В одном из докладов иезуитов-миссионеров, датированных 1587 г., говорится: «Мы не являемся лютеранами и не едим мяса в пятницу. Совместные жертвоприношения Громовержцу, содержание змей, почитание дубов как священных деревьев, приготовление трапезы душам умерших и прочие подобные суеверия не считаются грехом, что можно отнести скорее на счет глупости, чем злой воли» [цит. по: Luven, S. 285, Anm. 1291].

Из-за нехватки священников нельзя было говорить о том, чтобы принудить деревенское население силой к конфессиональному послушанию. Поэтому тем более охотно отмечалось добровольное участие крестьян в католических богослужениях: так, в протоколе ревизии поместий 1599 г. находим заметку о церкви в Оберпалене, исполненную гордости за крестьян из шведского [= эстонского] Вейсенштейна за то, что они явились в Оберпален для принятия святого причастия [Polska XVI wieku..., s. 259]. Характерной особенностью среди широких слоев населения было наличие глубокого прагматизма, не являвшегося чем-то исключительным в конфессиональных конфликтах на рубеже XVI–XVII вв., но наблюдавшегося позже и в других регионах Балтики [см., например: Jakovļeva; Barzdeviča].

Ливонское дворянство в польский период

На время конца XVI в., т. е. после упразднения Ливонской конфедерации с непрекращающимися тяготами Ливонской войны, длящейся четверть века, а также, в не меньшей степени, с принятием политических вызовов во время укрепления польской власти после 1582 г., приходится формирование ливонского провинциального дворянства как ведущего регионального политического слоя, сохранившегося в своих первоначальных чертах вплоть до 1918 г. До 1561 г. степень политического влияния местного дворянства в разных частях Ливонии была различной. На территории Ливонского ордена задачи административного управления и обороны брали на себя орденские рыцари. Кроме них имелось очень небольшое число ливонских дворян, политическое влияние которых было незначительно. Исключение из правила существовало в северных областях Харью и Вирланд, дворянство которых получило широкие привилегии уже во времена датского владения до 1346 г. На территориях, подвластных духовной власти, сильными позициями и большим влиянием в политической жизни провинции обладали местные феодалы [Raudkivi, 1991; 2007; Misans; Kostrzak, 1984].

После распада Ливонской конфедерации, ввиду активных военных действий России после 1558 г., прежде всего феодалы орденских областей увидели в подчинении Польше возможность унифицировать свои правовые и политические позиции, получив максимальное количество привилегий. В грамоте “Privilegium Sigismundi Augusti“, данной польским королем в 1561 г. ливонскому дворянству, это желание ясно просматривается. И хотя харью-вирландские феодалы уже прежде признали власть шведского короля и поэтому не принимали участия в переговорах, именно их правовой статус был положен в основу привилегии. Правовые ограничения средневековых вассальных отношений были упразднены, дворяне получали полные права на свои ленные владения. Право наследования было распространено и на боковые родовые линии, причем даже при продаже своих владений дворяне не обязаны были получать на это разрешение короля. В случае утраты ленных грамот, для доказательства своих прав на владение достаточно было предоставить со стороны вассала двух или трех свидетелей, дабы король приказал заменить утраченный документ на новый. Кроме того, согласно привилегии, крестьяне полностью отдавались во власть дворян. Последние получали право суда, вплоть до объявления и приведения в исполнение смертной казни. Крестьяне были полностью привязаны к земле, например, помещик обладал правом, присваивать крестьянские земли для того, чтобы выпрямить границы своих владений [Klot, S. 132–142; Hoffmann, S. 38f.]. Не стоит также недооценивать символическое значение грамоты 1561 г. – времени больших перемен: король Сигизмунд ясно выразил свою

позицию в Аренге словами, что «ничто так не ослабляет, как изменение законов и обычаев» (“...nihil Respublicae magis quassare... soleat, quam legum, consuetudinis atque morum mutatio”) [Dogiel, S. 244]. Таким образом, правовые нововведения для бывших орденских вассалов (в 1561 г. привилегированные сословия во владениях рижского архиепископства еще не присягнули на верность) выглядели ничем иным, как возобновлением прежних традиций и установлений, в ходе которого на всю провинцию распространялось право, уже действовавшее в одной из его частей (привилегии харью-вирландского рыцарства).

Двумя годами позже (1563) городской совет Риги предотвратил секуляризацию Рижского архиепископства во время правления Христовора Мекленбургского и переход его в вассальную зависимость от шведской короны. Вместе с прежними вассалами Ордена он объявил в 1566 г. о своем согласии на унию с Литвой [Staemmler, S. 36]. Ландтаг в Кокенгузене в этом году является первым свидетельством активности сословных представителей нового провинциального ливонского дворянства. В 1573 г. зафиксировано аналогичное событие. На ландтаге в Вендене собравшиеся представители дворянского сословия выступили за расширение своих привилегий (“Privilegium Sigismundi Augusti”), данных Сигизмундом III Августом, касающихся прав владения поместьями. Так называемое общее право расширило право наследования на всех мужских членов фамилии, включая персон, вошедших в него посредством договора [Livländischer, S. 208]. Этим дворянское сословие демонстрировало свое желание занять ведущее политическое положение в Ливонии.

Среди немногих сохранившихся источников, помогающих выявить положение ливонского дворянства того времени, особое место занимает информация о раздаче должностей в провинции. Правило о занятии второстепенных должностей представителями из местного дворянства, упомянутое в “Privilegium Sigismundi Augusti”, повсеместно исполнялось, хотя при назначении на более высокие должности (в воеводствах и староствах) рядом с ливонцами наблюдался значительный процент дворян из Польши и Литвы [Tarvel, S. 59; Heyde, 1998, S. 547f.].

Хотя с 1570-х гг. не велось активных военных действий, страна все еще находилась в состоянии войны. С началом нового наступления русских войск в 1577 г. положение Ливонии изменилось принципиально. Довольно многочисленное дворянство оставалось лояльным по отношению к польско-литовской унии, но все же основную роль здесь играл общий ход польско-шведского наступления с 1578 г., зона действия которого находилась вне пределов Ливонии. Проблематичным в отношениях между польским начальством и ливонским дворянством было то, что герцог Магнус Голштейнский, будучи «королем Ливонии» с 1570 г., через широкую раздачу ленных владений (тогдашних ленов Оберпален и Каркус) привлек на свою сторону

значительное число ливонцев [Busse, S. 276; о ливонском дворянстве в это время см.: Adamson].

После окончания войны польская администрация первоначально совершенно не воспринимала ливонское дворянство как монолитное сословие. При подтверждении привилегий и прав состояния решающим было поведение того или иного рыцаря во время войны. Так, права большинства дворян бывшего архиепископства Рижского, потерявших свои владения во время оккупации русских войск в 1577 г., были подтверждены, в то время как во владениях Дерпта, бывшего наиболее продолжительное время в руках русских войск и наиболее поздно попавшего под власть Польши, сначала не было ни одного подтверждения. Ливонское дворянство выступало, как и прежде, сплоченной корпорацией и дискутировало на ландтаге в Вендене в 1583 г., стоит ли в этой ситуации отказаться от клятвы на верность или, напротив, через демонстративное клятвенное обещание побудить польского короля к милости [Heyde, 1998, S. 550f.]. Некоторые ливонцы покинули после этого провинцию и поступили на шведскую службу [Hiärn, S. 340], большинство же смирилось с покровительством Польши. Сохранились документы этого времени о передаче Стефаном Баторием поместий в провинции. Большинство ливонцев получило свои поместья на основе наследственного права или, в меньшей степени, как личное владение без права наследования, в то время как польские дворяне получали свои поместья почти без исключений лишь в пожизненное владение [Heyde, 1998, S. 554f., 555–559; Tarvel, S. 41f.]. Ливонский ландтаг также продолжал номинально существовать, хотя из сохранившихся документов и видно, что он не был больше органом дворянского самоуправления, но играл в основном роль органа, который польское правительство ставило в известность о проводимой политике. Так, Стефан Баторий использовал ландтаг 1583 г. в Вендене для того, чтобы поставить местное дворянство в известность о Ливонской конституции (“*Constitutiones Livoniae*”), а от ландтага в Нойермюлене (Neuermühlen) в 1586 г. сохранилось напоминание короля помещикам об облегчении тяглового бремени своих крестьян [Kelch, S. 420]. Несохранилась никакой информации о ландтагах в первые годы правления Сигизмунда III. Статуты провинции (“*Ordinatio Livonica I*”) 1589 г. служили прежде всего для того, чтобы ослабить борьбу за главенство между Польшей и Литвой в Ливонии; при этом ливонцы играли второстепенное значение и не учитывались как политический фактор.

Конфликт между польским королем Сигизмундом и герцогом Карлом фон Сёдерманландом за шведскую корону дал дворянам, организованным в корпорации ливонских рыцарей, возможность вновь усилить политическое влияние. В 1597 г. на общий сейм в Варшаву прибыла делегация, преподнесшая королю свои наказания. Они ходатайствовали об отмене положений 1582 и 1589 гг., т. к. ливонцы «стали союзниками

короля не по принуждению и силой оружия, а по свободному волеизъявлению» [Dyaryusze sejmowe r. 1597, s. 102]. При этом они ссылались на время между 1559 и 1561 гг., когда решающей была их поддержка в годы кризиса. Изданные в следующем году статуты провинции (“Ordinatio Livonica II”) уравнивали ливонцев с поляками и литовцами в правах, что видно из последующей практики в распределении служилых мест. Уже в 1597 г. король подал знак ливонскому дворянству, отдав вопреки постановлениям 1589 г. управление одним из самых больших староств ливонскому дворянину [Heyde, 1998, S. 557f.].

Когда в 1600 г. герцог Карл фон Сёдерманланд вошел в Ливонию, некоторые ливонские дворяне перешли на его сторону. После этого король Сигизмунд отнял у них их имения и передал в большинстве своем ливонским дворянам, оставшимся верными ему. В последующие годы Карл не смог закрепиться в Ливонии с помощью военной силы. После своего поражения под Кирхгольмом в 1605 г. некоторые ливонские оппозиционные дворяне вновь вернулись в стан Сигизмунда III, получив обратно свои владения. Принятые в 1607 г. новые статуты провинции (“Ordinatio Livonica III”), уравнивали граждан Ливонии с остальными жителями Речи Посполитой – поляками и литовцами. Десять лет спустя шведский король Густав Адольф возобновил вооруженную борьбу за Ливонию, в ходе которой большая часть провинции Речью Посполитой была утеряна. Лишь небольшая часть на юго-востоке осталась под властью польского короля, ее местное дворянство было полностью интегрировано в польско-литовскую *шляхту*.

Ливонские сословия с середины XVI в.

В истории ливонских городов во время польского времени правления Рига и Дерпт занимают особое место не только из-за их важного экономического и политического значения. Ввиду ущерба, причиненного провинции Ливонской войной, многие ее местности и населенные пункты после 1582 г. обезлюдели (за исключением Риги), утратили свою былую роль. Польская администрация усилила эту тенденцию интеграцией городов в староства, ограничив их автономные права регулированием внутренних дел.

Дерпт и Рига могут быть рассмотрены в этот период как два городских полюса. Первый был захвачен в 1558 г. войсками Ивана IV, а его граждане еще в начале военных действий депортированы в Россию. Только после долгих лет на чужбине большинство жителей Дерпта смогли вернуться на родину, но город после долгих лет опустошительной войны, оккупации и заглохших торговых путей находился на грани банкротства. Лишь в феврале 1582 г. польские войска овладели городом, когда война в провинции была почти закончена. Рига, напротив, смогла сохранить свое экономическое и политическое значение. Аналогично шведскому Ревелю, город с 1558 по 1583 г. ни разу

не был занят неприятелем, так что, несмотря на трудности военного времени, сумел еще более упрочить свое политическое и экономическое положение. Рига была единственным городом, способным проводить самостоятельную политику в отношении к укреплению позиций Польши в провинции.

Уже в начале Ливонской войны русские войска, захватив епископство Дерптское, дошли до берегов Балтийского моря и заняли Пярну. После освобождения города-порта в 1565 г. Готхардом Кетлером с помощью польских отрядов, Иван IV приказал депортировать жителей Дерпта [Franz, S. 67; Laidre, S. 151–153]. Они смогли вернуться только в 1570 г. после провозглашения царем герцога Магнуса Голштейнского «королем Ливонским» в захваченной провинции. В том же году город был объявлен центром православной епархии [Laidre, S. 162f.; Angermann; Renner, 1988]. С захватом Дерпта польскими войсками в 1582 г. были созданы предпосылки для восстановления роли города в Ливонии, но не в полной мере. Свидетельством тому служит измененный статус города: городской совет больше не был главным органом управления городом. Теперь он стал всего лишь органом исполнительной власти; вся политическая власть находилась в руках старосты, назначаемого польским королем [Laidre, S. 191f.]. Политическую роль Дерпта можно вполне сравнить с малыми и средними городами в королевстве Польском.

Военная безопасность Дерпта, находившегося в пограничной области с шведской Эстонией, должна была быть укреплена переселенцами. Уже в 1583 г. в городе насчитывалось 190 немецких и 60 польских граждан [ibid., S. 195; Loone]. Следующей мерой по укреплению новой власти в городе стало основание иезуитского училища, что привело к возникновению конфликтного потенциала в отношениях с городским советом и гражданами города, в большинстве своем лютеранами, но эскалации не произошло: с одной стороны, совет позаботился о том, чтобы постепенно вернуться к Грегорианскому календарю, с другой стороны, попытки епископа и иезуитов урезать в правах совет и жителей-лютеран регулярно проваливались из-за противодействия королевской администрации [Helk, S. 118–127].

С нападением герцога Карла фон Зёдерманланда на Ливонию Дерпт был занят в декабре 1600 г. шведскими войсками, а иезуиты были взяты в плен и депортированы. Занятие города в 1603 г. вновь польскими войсками не поставило последней точки, т. к. до окончания войны еще было далеко. Повторная осада Дерпта в 1607 г. привела к голоду. Во время последней фазы войны, после капитуляции Риги в 1621 г., четыре последующие года город оставался во власти польских войск. В 1625 г. польский король рассчитывал на то, что шведы ударят по Пруссии, но ошибся, когда шведский король Густав Адольф направил свою армию на Дерпт, который польский гарнизон вынужден был оставить после двухнедельной осады в августе 1625 г. [Laidre, S. 247–279].

Развитие событий в тот же период в Риге имело мало схожее с событиями в Дерпте. Решающую роль здесь играли внутренние отношения и прежде всего конфликт между патрициями и гильдиями, продолжавшийся до начала правления короля Сигизмунда III. С прекращением существования Ливонской конфедерации в 1558–1561 гг. в городе возник своеобразный вакуум власти ввиду того, что к 1570 г. Немецкий орден и рижский архиепископ утратили свое бывшее значение и не могли более оказывать существенного влияния на положение дел в Риге, в то время как городской совет со всей определенностью принял польско-литовскую сторону, обладавшую сильной политической властью, способной выступить гарантом прав членов городского совета и гильдий. Граждане города видели гарантию своего политического влияния в сохранении «состояния лавирования», когда они могли выгодно разыграть торгово-политическую карту Риги в свою пользу в отношении всех сторон.

Становится понятным, почему город не пожелал присоединиться в ноябре 1561 г. к капитуляции магистра ордена и рижского архиепископа. Только на следующий год была достигнута предварительная договоренность. В ней польская сторона объявляла о своей готовности пойти на значительные уступки: Удостоверительная грамота Радзивилла (“*Cautio Radzivilana*”) гарантировала исключительные права верующих Аугсбургского вероисповедания в Риге. В ней было закреплено ограничение власти Речи Посполитой в пользу прямых патронажных отношений и зависимости непосредственно от польского короля [Ziemlewska, 2008, s. 53–88; Lenz, 1968, S. 44–83; Küttler]. В то время, как прочие области Ливонии, находившиеся под большим влиянием польской короны, заключили в 1566 г. унию с Литвой, Рига продолжала настаивать на своем участии в переговорах и не присоединилась к политическому союзу. Город продолжал поддерживать активные контакты с немецким императором для того, чтобы сохранить свои привилегии в отношении так называемого таможенного налога с фунта (*Pfundzoll*) и права чеканить монеты [Lenz, 2005, S. 257, 259f.]. Переговоры с Речью Посполитой были возобновлены только в 1579 г., когда преимущество Стефана Батория перед Иваном IV стало очевидным, а его грамота (“*Privilegium Stephaneum*”) была дана городу [Ziemlewska, 2008, s. 77–88].

Несмотря на это, внутригородские конфликты не прекращались и вспыхнули с окончанием военных действий с новой силой. Члены фамилий патрициата, занимавшие доминирующее положение в городском совете, владели основными поместьями в границах города и за редкими исключениями перестали заниматься торговлей. Среди граждан города особым влиянием обладали купцы Большой гильдии, имевшие монопольное право на осуществление торговых сделок с иностранными негодантами, купечество, занимающееся внутренней торговлей, и ремесленные мастера Малой гильдии. Они использовали оппозицию к новой политической власти как средство для проведения

своих интересов. Конфликт обострился, когда в Риге был введен Григорианский календарь. Граждане города отказались согласиться с введением нового календаря и призвали к восстанию против передачи двух церквей католикам, а также против поселения в городе иезуитов. Так называемые Календарные беспорядки продолжались с 1584 по 1589 гг., пока городскому совету в так называемом договоре Св. Северина не удалось более чем на десятилетие нейтрализовать политическое влияние рижских граждан. Только в 1604 г. ограничения в отношении членов гильдий были сняты и мир снова был восстановлен [Ziemlewska, 2006; 2008, s. 89–130, 134–145; Mühlen, S. 185f.].

Во время ливонского похода герцога Карла фон Сёдерманланда Рига сопротивлялась шведской осаде до подхода польских отрядов, что вынудило шведов отступить. В последующие кризисы Рига неизменно принимала сторону польского короля, как, например, во время осады зимой 1608/09 и в 1617 г., когда комендант крепости Дюнамюнде Вольмар Фаренсбах перешел на сторону Густава Адольфа, намереваясь сдать город шведским войскам [Ziemlewska, 2008, s. 157–160, 232–236]. Во время второго ливонского похода шведского короля в 1621 г. тот полностью сосредоточился на Риге. Литовские отряды не смогли пробить брешь шведской блокады и отступили, после чего городской совет в августе того же года приступил к переговорам о капитуляции. В последующие недели польские и литовские чиновники, а также иезуиты и все прочие католики обязаны были покинуть город. Густав Адольф подтвердил статуты города, включая признание исключительности Аугсбургского вероисповедания, потребовав при этом от жителей Риги той же верности, которую они оказывали его племяннику, польскому королю Сигизмунду [ibid., s. 240–242; Wisner, 1991, S. 54].

Потеря Риги окончательно поставила точку в борьбе за провинцию в пользу Швеции. Густав Адольф получил под свой контроль торговлю по Двине, что привело к окончательной потере интереса польской шляхты к Ливонии.

Крестьяне в польский период

Несмотря на политическую турбулентность этого времени, местная система продолжала развиваться; это приводило к тому, что крестьяне все меньше были востребованы как самостоятельные хлебопашцы и все больше как «живой инвентарь» поместья. Все большую роль начинала играть барщина и все меньшую – оброк. С другой стороны, Ливонская война показала ливонским элитам, что крестьяне переставали быть всего лишь пассивной массой, которой можно располагать по своему усмотрению, и становились активной социальной силой. Возможности и границы политического влияния крестьян стали ясны уже в первую фазу Ливонской войны.

Они определяли рамки дискуссии о правовом положении крестьян как во время войны, так и в последующие десятилетия после ее окончания. Документов, рассказывающих о повседневной жизни крестьян, сохранилось очень немного. Источники о поместьях содержат некоторую информацию о жизненном мире крестьян, которого мы коснемся в конце этой статьи.

К началу Ливонской войны военных сил орденских и светских рыцарей было совершенно недостаточно для противодействия войскам Ивана IV; дополнительная поддержка из-за рубежа была также невелика. Поэтому некоторые ливонские военачальники, кроме призыва на военную службу дворян прибегли к рекрутскому набору среди крестьян. Так, капитан крепости Нейгаузен в епископстве Дерптском, Юрген Икскуль, защищал ее в 1558 г. от русских войск с помощью 80 эстонских крестьян [Kruus, lk. 57]. После восстания Юрьевой ночи 1343 г. политическая элита Ливонии запретила не «немецкому» населению ношение оружия [см. к термину: Lenz, 2004]. После же успеха Икскуля привлечение крестьян в виде рекрутов оказалось необходимым и возможным. На ландтаге в Риге 1559 г. было решено приступить к призыву крестьян и к введению военного налога с каждого двора в зависимости от количества работоспособных душ обоего пола [Donnert, S. 73].

В последующие месяцы русские войска несколько раз нападали на территорию Ливонии. Ее северо-восточные области были уже заняты, далее на Западе ливонские вооруженные формирования отсутствовали, поэтому силы Ивана IV могли беспрепятственно пойти на города Йервен и Виик. При этом они захватывали не только зерно и домашний скот, но и самих крестьян для транспортировки реквизированного добра [Franz, S. 63]. Осенью 1559 г. разразилось крестьянское восстание на северо-западе страны. Летописец того времени Бальтазар Руссов писал о его причинах: восставшие упрекали рыцарство в том, что, платя непосильные налоги и неся тяжелую барщину, они не получают защиты от грабежа русских войск [Rüssow, S. 62 (p. 49b)]. Т. к. легитимность власти дворян была поставлена под вопрос, крестьяне выбрали из своих рядов предводителя по «древнему эстонскому обычаю» [Renner, S. 105]. В то же время они послали делегацию в Ревель, чтобы убедить городские власти в своих мирных намерениях. Они заверили, что восстание направлено исключительно против рыцарства, притесняющего в своих правах также и город. Городской совет Ревеля, ни в коем случае не собираясь поддерживать восставших, настоятельно рекомендовал крестьянам оставить свои намерения и признать законную власть [Rüssow, S. 63 (p. 49b)]. Требование отмены поместного владения и земельного передела среди свободных крестьян сильно обеспокоило политическую элиту. Герцог Магнус в письме датскому королю (своему брату) напоминал об ужасах восстания Юрьевой ночи, а Готхард Кетлер обратился к королю Сигизмунду за военной помощью для того, чтобы подавить

восстание [Donnert, S. 78f.]. В конечном итоге, фогт Виика Кристоф Мюнхгаузен заманил крестьянское войско в засаду и после взятия в плен предводителей восставших приказал казнить их [Renner, 1953, S. 106].

После окончания войны король Стефан Баторий взялся за разрешение крестьянского вопроса. В Ливонской конституции он выразил намерение улучшить положение крестьян (“ad tolerabilem statum reducendam”), ослабив тяготы крепостного права прежних времен. При этом крестьянам должны были быть дарованы права, аналогичные тем, которыми пользовались польские крестьяне [Volumina legum II, S. 222, Nr. 24; Довнар-Запольский, с. 3]. Летописец и доверительное лицо Стефана Батория Лаврентий Мюллер описал королевский прием депутатов от ливонских крестьян в 1582 г. Король заверил их, что желает улучшить их положение, облегчив их крепостное состояние, когда повседневым явлением были непосильная барщина и наказание кнутом. При этих словах крестьяне упали на колени и умоляли его оставить всё по-старому, т. к. никогда ничего хорошего от нововведений они еще не видели [Müller, S. 32].

После первоначальных успехов в Ливонии в 1601 г. герцог Карл фон Сёдерманланд вновь поднял крестьянский вопрос во время обращения к своим ливонским сторонникам. По его убеждению, право свободного выбора профессии должно было быть закреплено хотя бы для крестьянских детей. Если они не способны вести хозяйство после смерти родителей, то должны были бы получить право свободного ухода, «так как содержать детей в рабстве противоречит христианской вере, да таковое и отменено давно в христианском мире» („das die kindern wie schlaven zu halten, ist in der christenheit nicht gebruechlich, auch in der christenheit fur vielen Jahren abgeschaffet worden“) [Zur Geschichte, S. 535f. (конец мая 1601 г.)]. Король высказывался за введение крестьянского права по шведскому образцу, т. к. часто поступали жалобы от крестьян на свое несправие и насилие по отношению к ним. Однако рыцарство не желало и слышать о подобных реформах. Инициатива герцога Карла, посредством улучшения правового положения ливонских крестьян мобилизовать их на борьбу, не получила поддержки со стороны дворян, сославшихся на восстание 1560 г. По их убеждению, право крестьян на ношение оружия неизбежно должно было привести к беспорядкам. Также они сослались на эпизод, произошедший в 1560 г. при дворе Стефана Батория, говорящий, якобы, о том, что крестьяне и сами этого не хотят: «Ливонские крестьяне отстаивали свое крепостное положение лучше, чем город Рига свою религию и свои свободы» (“die lieffländische pauren haben besser auf ihre servitut, als die Stadt Riga über die Religion und ihre freiheiten gehalten”) [Zur Geschichte, S. 540].

В проекте земельного кодекса законов Давида Хилхена «сословие крестьян» целенаправленно употреблялось им как синоним «сословия крепостных крестьян» (“Bauern-Stand”, “Erbbauernstand”). Согласно кодексу, лично свободные крестьяне составляли исключение,

которое могло быть сделано только в редких случаях: при этом Хилхен пользовался терминологией, заимствованной из римского права и употреблявшейся в отношении отпущенных на свободу рабов [Wipper, S. 234–238; Hoffmann, S. 90–92, в своей работе не касается этих особенностей]. На практике существование обширных владений польской короны прежде всего на севере Ливонии сказывалось положительно на положении крестьян, привязанных к земле. Все крестьяне могли приобретать и продавать недвижимое имущество; они владели своими дворами и могли быть их лишены только в случае неисполнения ими своих повинностей [Livländische; Uluots, S. 78f.]. Напротив, дворяне в своих владениях стремились максимально закрепить крестьян. В приходно-расходной книге Генриха фон Тизенгаузена, имевшего поместья в южной Ливонии, можно найти записи о продаже крестьян. В то же время ему не удавалось вернуть беглых крестьян. В этих случаях он должен был довольствоваться компенсациями [Des Bannerherren, S. 88, 106; см. Heyde, 2000, S. 270]. Уход крестьян из поместий к другим феодалам в поисках лучшей доли, был распространенным явлением в польский период. Во время первой шведской переписи после присоединения Ливонии к Швеции комиссары собирали информацию о происхождении крестьян. Выяснилось, что к тому времени в Дерптском уезде примерно две трети крестьян проживало с давнего времени, около 20 % происходили из соседних районов и около 10 % переселились издалека (о прочих не было сказано ничего) [Heyde, 2000, S. 272–275].

Благодаря такой мобильности крестьяне могли реагировать на ухудшение жизненных условий во время продолжительных войн. Эффективные меры по защите крестьян, о принятии которых Стефан Баторий объявил в 1582 г., так и не нашли широкого применения в польский период, т. к. старосты, управлявшие королевскими владениями, уделяли свое внимание прежде всего доходной части имений. Груз оброка и барщины около 1600 г. был намного больше по сравнению с Польшей, но и не таким высоким, как в 1638 г. во время шведского правления. Политические декларации польского периода не принесли облегчения доли ливонских крестьян, эксплуатация которых еще более возросла [см.: *Ibid.*, S. 335–342; см также: Seppel].

Довнар-Запольский М. В. К истории поземельной реформы в Ливонии в 1580–1582 гг. М., 1900.

Дорошенко В. В. Очерки аграрной истории Латвии в XVI веке. Рига, 1960.

История балтийских стран. [Tallinn], 1999.

Тарвел Е. Фольварк. Пан и подданный. Аграрные отношения в польских владениях на территории южной Эстонии в конце XVI – начале XVII века. Таллин, 1964.

Adamson A. Liivimaa mõisamehed Liivi sa perioodil // Acta historica Tallinnensia. 10. 2006. Lk. 20–47.

Almqvist H. Johan III och Stefan Batori år 1582 // Historisk Tidskrift. 1909. 29. S. 69–125.

Angermann N. Zur Geschichte des orthodoxen Bistums Dorpat // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1966. N. F. 14. S. 232–242.

Augustinowicz Ch. Die Kandidaten und Interessen des Hauses Habsburg in Polen-Litauen während des zweiten Interregnums 1574–1576. Wien, 2001.

Baltische Kirchengeschichte. Beiträge zur Geschichte der Missionierung und der Reformation, der evangelisch-lutherischen Landeskirchen und des Volkskirchentums in den baltischen Landen / Hrsg. v. R. Wittram. Göttingen, 1956.

Barzdeviča M. Einblicke in das Alltagsleben der Einwohner des Rigaer Umlands (17. Jahrhundert – Anfang des 18. Jahrhunderts) // *Leben auf dem Lande – das Baltikum in der Frühen Neuzeit*. 11 Beiträge zum 16. Baltischen Seminar / Hg. J. Heyde. Lüneburg, 2012. S. 129–152.

Bienemann jun. F. Ein polnischer Index der schwedischen Anhänger in Livland vom Beginn des XVII. Jahrhunderts // *Sitzungsberichte der Gesellschaft für Geschichte und Altertumskunde der Ostseeprovinzen Rußlands* 1894. Riga, 1895. S. 86–103.

Bues A. Die habsburgische Kandidatur für den polnischen Thron während des Ersten Interregnums in Polen 1572/73. Wien, 1984.

Busse K. H. (Bearb.). Herzog Magnus von Holstein und sein livländisches Königthum. Auszüge aus gleichzeitigen Actenstücken nebst einer Einleitung // *Mittheilungen aus dem Gebiete der Geschichte Liv-, Ehst- und Curland's*. Bd. 8. Riga, 1857. S. 240–301.

Des Bannerherren Heinrich v. Tiesenhausen d. Ä. von Berson ausgewählte Schriften und Aufzeichnungen / Hrsg. von R. Hasselblatt. Leipzig, 1890.

Dogiel M. [Ed.]. *Codex Diplomaticus Regni Poloniae et Magni Ducatus Lithuaniae*. Bd. 5. Vilnae, 1759.

Donnert E. Der livländische Ordensritterstaat und Rußland. Der Livländische Krieg und die baltische Frage in der europäischen Politik 1558–1583. Berlin (Ost-), 1963.

Dunsdorfs E., Spekke A. *Latvijas vēsture 1500–1600*. Stockholm, 1964.

Dyaryusze sejmowe 1585 r. / [hrsg. von] A. Czuczynski. Kraków, 1901. (*Scriptores Rerum Polonicarum*; 18).

Dyaryusze sejmowe r. 1587. Sejm konwokacyjny i elekcyjny / Hrsg. von A. Sokołowski. Kraków 1887. (*Scriptores Rerum Polonicarum*; 11).

Dyaryusze sejmowe r. 1597 / hg. von E. Barwiński. Kraków, 1907. (*Scriptores rerum Polonicarum*; 20).

Dybaś B. Stift Pilten oder Kreis Pilten? Ein Beitrag zur konfessionellen Politik Polen-Litauens in Livland im 17. Jahrhundert // *Konfessionelle Pluralität als Herausforderung. Koexistenz und Konflikt in Spätmittelalter und Früher Neuzeit*. Winfried Eberhard zum 65. Geburtstag. J. Bahlcke, K. Lambrecht, H.-Ch. Maner Hgg. Leipzig, 2006. S. 507–520.

Eesti Ajalugu III: Roots ja Poola aeg / hrsg. von Hans Kruus u. Otto Liiv. Tartu, 1940.

Franz Nyenstädt's weiland rigischen Bürgermeisters und königlichen Burggrafen, Livländische Chronik, nebst dessen Handbuch / Hg. G. Thielemann *Monumenta Livoniae Antiquae*. Bd. 2. [Mitau], 1835–1837 [Ndr. Osnabrück 1968].

Frost D. *The Northern Wars. War, State, and Society in Northeastern Europe 1558–1721*. Harlow, 2000.

Geschichte des Baltikums. Tallinn, 1999.

Helk V. Die Jesuiten in Dorpat 1583–1625. Ein Vorposten der Gegenreformation in Nordosteuropa. Odense 1977. (*Odense University Studies in History and social Sciences* 44.) Neuausgabe in estnischer Sprache: *Jesuiidid Tartus 1583–1625. Vastureformatsiooni eelpost Põhja-Euroopas*. Tartu, 2003.

Herbst S. Der livländische Krieg 1600–1602 // *Pirmā Baltijas Vēsturnieku Konference. Runas un Referāti. Rīgā, 1938*. Lk. 380–390.

Heyde J. Zwischen Kooperation und Konfrontation: Die Adelspolitik Polen Litauens und Schwedens in der Provinz Livland 1561–1650 // *Zeitschrift für Ostmitteleuropaforschung*. № 47. 1998. H. 4. S. 544–567.

Heyde J. Bauer, Gutshof und Königsmacht. Die estnischen Bauern in Livland unter polnischer und schwedischer Herrschaft 1561–1650. Köln ; Weimar ; Wien, 2000.

Heyde J. „Kość niezgody“. Inflanty w polityce wewnętrznej Rzeczypospolitej w XVI/XVII wieku // *Prusy i Inflanty między średniowieczem a nowożytnością. Państwo – Społeczeństwo – Kultura* / hrsg. von Bogusław Dybaś und Dariusz Makiła. Toruń, 2003a. S. 159–168.

Heyde J. Polnische Forschungen zur Geschichte der baltischen Länder – historische Entwicklung und aktuelle Tendenzen // *Zeitschrift für Ostmitteleuropaforschung*. № 52. 2003b. H. 1. S. 52–84.

Heyde J. Die Livlandpolitik der polnisch-litauischen Adelsrepublik // Nordosteuropa als Geschichtsregion. Beiträge des III. internationalen Symposiums zur deutschen Kultur und Geschichte im europäischen Nordosten vom 20.-22. September 2001 in Tallinn (Estland) / hrsg. von J. Hackmann und R. Schweizer. Helsinki ; Lübeck, 2006. S. 333–342.

Heyde J. Inflanty w epoce nowożytniej w świetle polskich badań // Zapiski Historyczne. № 73. 2008. H. 4. S. 87–95.

Hiörn Th. Ehst-, Lyf und Lettländische Geschichte / hg. von C. E. Napiersky // Monumenta Livoniae Antiquae. Bd. 1. [Mitau], 1835–1837 [Ndr. Osnabrück 1968].

Historia Sejmu polskiego. T. 1 : Do schyłku szlacheckiej Rzeczypospolitej / red. J. Michalski. Warszawa, 1984.

Hoffmann Th. Der Landrechtentwurf David Hilchens von 1599. Ein livländisches Rechtszeugnis polnischer Herrschaft. Frankfurt/Main, 2007.

Jakovleva M. Deutsche und Undeutsche im Herzogtum Kurland im 17. und 18. Jahrhundert: Zwischen rechtlichen Normen und alltäglicher Kommunikation // Leben auf dem Lande – das Baltikum in der Frühen Neuzeit. 11 Beiträge zum 16. Baltischen Seminar. Hg. J. Heyde. Lüneburg, 2012. S. 21–42.

Jakowenko N. Historia Ukrainy: Od czasów najdawniejszych do końca XVIII wieku. Lublin, 2000.

Johansen P. Ein protestantisches Schreiben über den Vorstoß der Gegenreformation nach Livland 1582 // Zeitschrift für Ostforschung. 1963. 12. S. 699–708.

Kleeberg G. Die polnische Gegenreformation in Livland. Leipzig, 1931.

Luven Y. Der Kult der Hausschlange. Eine Studie zur Religionsgeschichte der Letten und Litauer. Köln ; Weimar ; Wien, 2001.

Klot B. v. Jost Clodt und das Privilegium Sigismundi Augusti. Hannover ; Döhren, 1980.

Königlich polnische Verleihung eingezogener Güter vom J. 1601 / Hrsg. v. K. H. Busse // Mittheilungen aus dem Gebiete der Geschichte Liv-, Ehst- und Kurland's. Bd. 6. Riga, 1851. S. 311–315.

Kostrzak J. Narodziny ogólnoinflanckich zgromadzeń stanowych od XIII do połowy XV wieku. Warszawa ; Poznań ; Toruń, 1985.

Kostrzak J. Frühe Formen der altlivländischen Landtage // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 32. 1984. H. 2. S. 163–198.

Kruus H. Vene-Liivi sõda (1558–1561). Tartu, 1924.

Kleeberg G. Die polnische Gegenreformation in Livland. Leipzig, 1931.

Kuntze E. Die Gegenreformation in Livland zur polnischen Zeit // Pirmā Baltijas Vēsturnieku Konferēnce. Runas un Referāti. Rīgā, 1938a. Lk. 357–366.

Kuntze E. Utworzenie biskupstwa Wendeńskiego przez Stefana Batorego // Studia Historyczne ku czci Stanisława Kutrzeby. Bd. 2 [ohne Hrsg.-Angabe]. Kraków, 1938b. S. 443–467.

Kuntze E. Organizacja Inflant w czasach polskich // Polska a Inflanty. Praca zbiorowa / red. J. Borowik. Gdynia, 1939.

Küttler W. Das Verhältnis der Stadt Riga zu Polen-Litauen in der Zeit des Livländischen Krieges (1558–1583) // Jahrbuch für Geschichte der UdSSR und der volksdemokratischen Länder Europas. 1967. 10. S. 273–295.

Laidre M. Dorpat 1558–1708. Linn väe ja vaenu vahel. Tartu, 2008.

Lenz W. Riga zwischen dem Römischen Reich und Polen-Litauen in den Jahren 1558–1582. Marburg ; Lahn, 1968.

Lenz W. Undeutsch. Bemerkungen zu einem besonderen Begriff der baltischen Geschichte // Aus der Geschichte Alt-Livlands. Festschrift für Heinz von zur Mühlen zum 90. Geburtstag / hrsg. von B. Jähnig und K. Militzer. Münster, 2004. S. 169–184.

Lenz W. „Untertanentreue“ gegenüber dem Heiligen Römischen Reich? Rigas Vorbehalte gegen einen Herrscherwechsel bei der Auflösung der Livländischen Konföderation // Riga und der Ostseeraum. Von der Gründung 1201 bis in die Frühe Neuzeit / hrsg. von I. Misāns und H. Wernicke. Marburg ; Lahn, 2005.

Livländische Rechtsgewohnheiten aus der Zeit der polnischen Herrschaft / hrsg. von F. G. von Bunge // Archiv für die Geschichte Liv-, Est- und Curlands. 1847. № 5. S. 284–296.

Livländischer Landtagsschluss 1573 // Archiv für die Geschichte Liv-, Ehst und Curlands. Bd. V. Dorpat, 1847. S. 205–208.

Loit A. Reformation und Konfessionalisierung in den ländlichen Gebieten der baltischen Lande von ca. 1500 bis zum Ende der schwedischen Herrschaft // Die baltischen

Lande im Zeitalter der Reformation und Konfessionalisierung. Livland, Estland, Ösel, Ingermanland, Kurland und Lettgallen Stadt, Land und Konfession 1500–1721. Teil 1 / Hgg. M. Asche, W. Buchholz, A. Schindling. Münster, 2009. S. 49–215.

Loone N. Der Plan der Kolonisierung Livlands (1582–1584) // *Liber Saecularis Litterarum societatis Esthonica 1838–1938*. Tartu, 1938. S. 393–414.

Misans I. Organisation und Ablauf der livländischen Land- und Städtetage // *Jahrbuch für die Geschichte Mittel- und Ostdeutschlands*. 2005 [2006]. 51. S. 49–62.

Mühlen H. v. Das Ostbaltikum unter Herrschaft und Einfluß der Nachbarmächte (1561–1710/1795) // *Baltische Länder*, München 1994 (Deutsche Geschichte im Osten Europas) / Hg. G. von Pistorhorsk. Berlin, 1994. S. 174–265.

Müller L. Septentrionalische Historien. Amberg, 1595.

Pistorhorsk G. v. (Hg.). *Baltische Länder*, München 1994 (Deutsche Geschichte im Osten Europas). Berlin 1994.

Poliska XVI wieku pod względem geograficzno-statystycznym / Hgg. J. Jakubowski, J. Kordzikowski. Teil 1. Warszawa, 1915.

Ramm-Helsing H. v. Das Livlandproblem in der politischen Korrespondenz Polens im 16. und 17. Jahrhundert // *Sitzungsberichte der Gesellschaft für Geschichte und Altertumskunde zu Riga*. Vorträge zur Hundertjahrfeier am 6–9. Dezember 1934. Riga, 1936. S. 101–128.

Rauch G. v. *Deutschbaltische Geschichtsschreibung nach 1945 // Geschichte der deutschbaltischen Geschichtsschreibung / (Hg.) G. v. Rauch*. Köln ; Wien, 1986. S. 399–435.

Raudkivi P. *Maapäeva kujunemine*. Peatükk Liivimaa 14.-15. sajandi ajalost. Tallinn, 1991.

Raudkivi P. *Vana-Liivimaa maapäev*. Ühe keskaegse struktuuri kujunemislugu. Tallinn, 2007.

Renner J. *Livländische Historien 1556–1561* / hrsg. von P. Karstedt. Lübeck, 1953.

Renner U. Herzog Magnus von Holstein als Vasall des Zaren Ivan Groznyj // *Deutschland – Livland – Rußland*. Ihre Beziehungen vom 15. bis zum 17. Jahrhundert / hrsg. von N. Angermann. Lüneburg, 1988. S. 137–158.

Rüssow B. *Chronica der Prouintz Lyfflandt*, Bart 1584 [Ndr. Hannover-Döhren 1967].

Schirren K. (Bearb.). *Quellen zur Geschichte des Untergangs livländischer Selbständigkeit*. Dorpat, 1861–1881. Bd. VI. Nr. 926. S. 337–342; Bd. VII. Nr. 942. S. 46–50; Bd. VII. Nr. 973. S. 152–155.

Schmidt Ch. *Auf Felsen gesät*. Die Reformation in Polen und Livland. Göttingen, 2000. S. 210–221.

Seppel M. Die Entwicklung der „livländischen Leibeigenschaft“ im 16. und 17. Jahrhundert // *Zeitschrift für Ostmitteleuropa-Forschung*. 2005. № 54. S. 174–193.

Staemmler K.-D. *Preußen und Livland in ihrem Verhältnis zur Krone Polen 1561–1586*. Marburg ; Lahn, 1953.

Straube G. Die „polnische Gegenreformation“ in Livland // *Prusy i Inflanty między średniowieczem a nowożytnością*. Państwo – Społeczeństwo – Kultura / hrsg. von B. Dybaś und D. Makiła. Toruń, 2003, S. 117–123.

Straube G. „Poļu pretreformacija“. *Merķi un realitate // Latvijās vesture*. 2008. H. 4. № 72. S. 18–24.

Sucheni-Grabowska A. *Zygmunt August król polski i wielki książę litewski 1520–1562*. Warszawa, 1996.

Tiberg E. *Zur Vorgeschichte des livländischen Krieges*. Die Beziehungen zwischen Moskau und Litauen 1549–1562, Uppsala, 1984.

Tarvel E. *Stosunek prawno państwowy Inflant do Rzeczypospolitej oraz ich ustrój administracyjny w l. 1561–1621 // Zapiski Historyczne*. 1969. 34. S. 49–77.

Tazbir J. *Propaganda kontreformacyjna wśród chłopów inflanckich (1582–1621) // Kwartalnik Historyczny*. 1958. 55. S. 720–739.

Tyszkowski K. *Polska polityka kościelna w Inflantach (1581–1621)*. Gdynia, 1939.

Uluots J. *Grundzüge der Agrargeschichte Estlands*. Tartu, 1935.

Volumina Legum. *Przedruk zbioru praw staraniem XX Pijarów w Warszawie od roku 1732 do roku 1782* wydanego. Ohrzycki. T. 2. Petersburg, 1859.

Wipper R. *David Hilchen*. Die erste rechtliche Fixierung der Leibeigenschaft in Livland // *Filologu biedrības raksti*. 1928. № 8. S. 225–240.

Wisner H. *Kampania inflancka Krzysztofa Radziwiłła w latach 1617–1618 // Zapiski historyczne*. 1970a. 35. S. 9–34.

- Wisner H. Wojna inflancka 1625–1629 // *Studia i Materiały do Historii Wojskowości*. 1970b. 16. Teil 1. S. 27–93.
- Wisner H. Wojna polsko-szwedzka w Inflantach 1621–1622 // *Zapiski Historyczne*. 1991. 56. H. 4. S. 45–69, 467–491.
- Wisner H. Spór o rozejm litewsko-szwedzki w Baldenmojzie z 1627 roku // *Zapiski Historyczne*. 66. 2001. H. 1. S. 23–36.
- Wisner H. Rzeczpospolita Wazów. Czasy Zygmunta III i Władysława IV. Warszawa, 2002. S. 252–266.
- Wisner H. Kirchholm 1605. Warszawa, 2005.
- Wittram R. Baltische Geschichte. Die Ostseelände Livland, Estland, Kurland 1180–1918. Grundzüge und Durchblicke. München, 1954.
- Wojny Północne w XVI–XVII wieku. W czterechsetlecie bitwy pod Kirchholmem / hrsg. von B. Dybaś und A. Ziemlewska. Toruń, 2007.
- Ziemlewska A. „Rozruchy kalendarzowe“ w Rydze (1584–1589) // *Zapiski historyczne*. 2006. 61. S. 107–124.
- Ziemlewska A. Ryga w Rzeczypospolitej polsko-litewskiej (1581–1621). Toruń, 2008.
- Zigmantas K., Mäesalu A., Pajur A., Straube G. Baltimaade ajalugu. Tallinn, 1999. S. 77–84.
- Zur Geschichte der livländischen Ritter- und Landschaft 1600–1602. Briefe und Actenstücke / Hrsg. von F. Bienemann (Jr.) // *Mittheilungen aus dem Gebiete der Geschichte Liv-, Ehst- und Kurland's*. 1900. № 17. S. 534–544.

- Adamson, A. (2006). Liivimaa mõisamehed Liivi sa perioodil. *Acta historica Tallinnensia*, 10, 20–47.
- Almquist, H. (1909). Johan III och Stefan Batori år 1582. *Historisk Tidskrift*, 29, 69–125.
- Angermann, N. (1966). Zur Geschichte des orthodoxen Bistums Dorpat. *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, 14, 232–242.
- Augustinowicz, Ch. (2001). *Die Kandidaten und Interessen des Hauses Habsburg in Polen-Litauen während des zweiten Interregnums 1574–1576*. Wien.
- Barwiński, E. (Ed.). (1907). *Dyaryusze sejmowe r. 1597*. Kraków (Scriptores rerum Polonicarum; 20).
- Barzdeviča, M. (2012). Einblicke in das Alltagsleben der Einwohner des Rigaer Umlands (17. Jahrhundert – Anfang des 18. Jahrhunderts). In J. Heyde (Ed.). *Leben auf dem Lande – das Baltikum in der Frühen Neuzeit. 11 Beiträge zum 16. Baltischen Seminar* (p. 129–152). Lüneburg.
- Bienemann, jun. F. (1895). Ein polnischer Index der schwedischen Anhänger in Livland vom Beginn des XVII. Jahrhunderts. In *Sitzungsberichte der Gesellschaft für Geschichte und Altertumskunde der Ostseeprovinzen Rußlands 1894* (p. 86–103). Riga.
- Bienemann, jun F. (Ed.). (1900). Zur Geschichte der livländischen Ritter- und Landschaft 1600–1602. Briefe und Actenstücke. *Mittheilungen aus dem Gebiete der Geschichte Liv-, Ehst- und Kurland's*, 17, 534–544.
- Bunge, von F. G. (Ed.). Livländische Rechtsgewohnheiten aus der Zeit der polnischen Herrschaft. (1847). *Archiv für die Geschichte Liv-, Est- und Curlands*, 5, 284–296.
- Bues, A. (1984). *Die habsburgische Kandidatur für den polnischen Thron während des Ersten Interregnums in Polen 1572/73*. Wien.
- Busse, K. H. (Ed.). (1851) Königlich polnische Verleihung eingezogener Güter vom J. 1601. *Mittheilungen aus dem Gebiete der Geschichte Liv-, Ehst- und Kurland's*, 6, 311–315.
- Busse, K. H. (Bearb.). (1857). Herzog Magnus von Holstein und sein livländisches Königthum. Auszüge aus gleichzeitigen Actenstücken nebst einer Einleitung. *Mittheilungen aus dem Gebiete der Geschichte Liv-, Ehst- und Curland's*, 8, 240–301.
- Czuczynski, A. (Ed.). *Dyaryusze sejmowe 1585 r.* (1901). Kraków (Scriptores Rerum Polonicarum; 18).
- Dogiel, M. (Ed.). (1759). *Codex Diplomaticus Regni Poloniae et Magni Ducatus Lithuaniae*, 5. Vilnae.
- Donnert, E. (1963). *Der livländische Ordensritterstaat und Rußland. Der Livländische Krieg und die baltische Frage in der europäischen Politik 1558–1583*. Berlin (Ost-).

- Doroshenko, V. V. (1960). *Ocherki agrarnoj istorii Latvii v XVI veke* [Essays on agrarian history in Latvia in XVI century]. Riga.
- Dovnar-Zapol'skij, M. V. (1900). *K istorii pozemel'noj reformy v Livonii v 1580–1582 gg.* [To the history of land reform in Livonia in 1580–1582 yrs.]. Moscow.
- Dunsdorfs, E., Spekke, A. (1964). *Latvijas vēsture 1500–1600*. Stockholm.
- Dybaś, B. (2006). Stift Pilten oder Kreis Pilten? Ein Beitrag zur konfessionellen Politik Polen-Litauens in Livland im 17. Jahrhundert. In J. Bahlcke, K. Lambrecht, H.-Ch. Maner (Eds.). *Konfessionelle Pluralität als Herausforderung. Koexistenz und Konflikt in Spätmittelalter und Früher Neuzeit. Winfried Eberhard zum 65. Geburtstag* (p. 507–520). Leipzig.
- Dybaś, B., Ziemlewska, A. (Eds.). (2007). *Wojny Północne w XVI–XVII wieku. W czterechsetlecie bitwy pod Kirchholmem*. Toruń.
- Frost, D. (2000). *The Northern Wars. War, State, and Society in Northeastern Europe 1558–1721*. Harlow.
- Geschichte des Baltikums*. (1999). Tallinn.
- Hasselblatt, von R. (Ed.). (1890). *Des Bannerherren Heinrich v. Tiesenhausen d. Ä. von Berson ausgewählte Schriften und Aufzeichnungen*. Leipzig.
- Helk, V. (2003). *Die Jesuiten in Dorpat 1583–1625. Ein Vorposten der Gegenreformation in Nordosteuropa. Odense 1977. (Odense University Studies in History and social Sciences 44.) Neuausgabe in estnischer Sprache: Jesuiidid Tartus 1583–1625. Vastureformatsiooni eelpost Põhja-Euroopas*. Tartu.
- Herbst, S. (1938). Der livländische Krieg 1600–1602. In *Pirmā Baltijas Vēsturnieku Konferēnce. Runas un Referāti* (p. 380–390). Rīgā.
- Heyde, J. (1998). Zwischen Kooperation und Konfrontation: Die Adelspolitik Polen Litauens und Schwedens in der Provinz Livland 1561–1650. *Zeitschrift für Ostmitteleuropaforschung*, 47, 4, 544–567.
- Heyde, J. (2000). *Bauer, Gutshof und Königsmacht. Die estnischen Bauern in Livland unter polnischer und schwedischer Herrschaft 1561–1650*. Köln; Weimar; Wien.
- Heyde, J. (2003a). „Kość niezgody“. Inflanty w polityce wewnętrznej Rzeczypospolitej w XVI/XVII wieku. In B. Dybaś and D. Makilla (Eds.). *Prusy i Inflanty między średniowieczem a nowożytnością. Państwo – Społeczeństwo – Kultura* (p. 159–168). Toruń.
- Heyde, J. (2003b). Polnische Forschungen zur Geschichte der baltischen Länder – historische Entwicklung und aktuelle Tendenzen. *Zeitschrift für Ostmitteleuropaforschung*, 52, 1, 52–84.
- Heyde, J. (2006). Die Livlandpolitik der polnisch-litauischen Adelsrepublik. In J. Hackmann and R. Schweizer (Eds.). *Nordosteuropa als Geschichtsregion. Beiträge des III. internationalen Symposiums zur deutschen Kultur und Geschichte im europäischen Nordosten vom 20.-22. September 2001 in Tallinn (Estland)* (p. 333–342). Helsinki; Lübeck.
- Heyde, J. (2008). Inflanty w epoce nowożytnej w świetle polskich badań. *Zapiski Historyczne*, 73, 4, 87–95.
- Hiörn, Th. (1968). Ehst-, Lyf und Lettländische Geschichte. In C. E. Napiersky (Ed.). *Monumenta Livoniae Antiquae*. Bd. 1. [Mitau], 1835–1837 [Ndr. Osnabrück 1968].
- Hoffmann, Th. (2007). *Der Landrechtsentwurf David Hilchens von 1599. Ein livländisches Rechtszeugnis polnischer Herrschaft*. Frankfurt/Main.
- Istoriya baltijskijh stran* [The history of the Baltic countries]. (1999). Tallin.
- Jakovljeva, M. (2012). Deutsche und Undeutsche im Herzogtum Kurland im 17. und 18. Jahrhundert: Zwischen rechtlichen Normen und alltäglicher Kommunikation. In J. Heyde (Ed.). *Leben auf dem Lande – das Baltikum in der Frühen Neuzeit. 11 Beiträge zum 16. Baltischen Seminar* (p. 21–42). Lüneburg.
- Jakowenko, N. (2000). *Historia Ukrainy: Od czasów najdawniejszych do końca XVIII wieku*. Lublin.
- Jakubowski, J., Kordzikowski, J. (Eds.). (1915). *Polska XVI wieku pod względem geograficzno-statystycznym*. Warszawa.
- Johansen, P. (1963). Ein protestantisches Schreiben über den Vorstoß der Gegenreformation nach Livland 1582. *Zeitschrift für Ostforschung*, 12, 699–708.
- Kleeberg, G. (1931). *Die polnische Gegenreformation in Livland*. Leipzig.
- Klot, B. v. (1980). *Jost Clodt und das Privilegium Sigismundi Augusti*. Hannover; Döhren.
- Kostrzak, J. (1984). Frühe Formen der altlivländischen Landtage. *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, 32, 2, 163–198.
- Kostrzak, J. (1985). *Narodziny ogólnoinflanckich zgromadzeń stanowych od XIII do połowy XV wieku*. Warszawa; Poznań; Toruń.
- Kruus, H. (1924). *Vene-Liivi sõda (1558–1561)*. Tartu.
- Kruus, H., Liiv, O. (Eds.). (1940). *Eesti Ajalugu III: Rootsi ja Poola aeg*. Tartu.
- Kuntze, E. (1938a). Die Gegenreformation in Livland zur polnischen Zeit. In *Pirmā Baltijas Vēsturnieku Konferēnce. Runas un Referāti* (p. 357–366). Rīgā.

- Kuntze, E. (1938b). Utworzenie biskupstwa Wendeńskiego przez Stefana Batorego. *Studia Historyczne ku czci Stanisława Kutrzeby*, 2, 443–467.
- Kuntze, É. (1939). Organizacja Inflant w czasach polskich. In J. Borowik (Ed.). *Polska a Inflanty. Praca zbiorowa*. Gdynia.
- Küttler, W. (1967). Das Verhältnis der Stadt Riga zu Polen-Litauen in der Zeit des Livländischen Krieges (1558–1583). *Jahrbuch für Geschichte der UdSSR und der volksdemokratischen Länder Europas*, 10, 273–295.
- Laidre, M. (2008). *Dorpat 1558–1708. Linn väe ja vaenu vahel*. Tartu.
- Lenz, W. (1968). *Riga zwischen dem Römischen Reich und Polen-Litauen in den Jahren 1558–1582*. Marburg; Lahn.
- Lenz, W. (2004). Undeutsch. Bemerkungen zu einem besonderen Begriff der baltischen Geschichte. In B. Jähnig und K. Militzer (Eds.). *Aus der Geschichte Alt-Livlands. Festschrift für Heinz von zur Mühlen zum 90. Geburtstag* (p. 169–184). Münster.
- Lenz, W. (2005). „Untertanentreue“ gegenüber dem Heiligen Römischen Reich? Rigas Vorbehalte gegen einen Herrscherwechsel bei der Auflösung der Livländischen Konföderation. In I. Misāns und H. Wernicke (Eds.). *Riga und der Ostseeraum. Von der Gründung 1201 bis in die Frühe Neuzeit*. Marburg; Lahn.
- Livländischer Landtagsschluss 1573. (1847). *Archiv für die Geschichte Liv-, Ehst und Curlands*, 205–208.
- Loit, A. (2009). Reformation und Konfessionalisierung in den ländlichen Gebieten der baltischen Lande von ca. 1500 bis zum Ende der schwedischen Herrschaft. In M. Asche, W. Buchholz, A. Schindling (Eds.). *Die baltischen Lande im Zeitalter der Reformation und Konfessionalisierung. Livland, Estland, Ösel, Ingermanland, Kurland und Lettgallen Stadt, Land und Konfession 1500–1721*. Teil 1 (p. 49–215). Münster.
- Loone, N. (1938). Der Plan der Kolonisierung Livlands (1582–1584). In *Liber Saecularis Litterarum societatis Esthonica 1838–1938* (p. 393–414). Tartu.
- Luven, Y. (2001). *Der Kult der Hausschlange. Eine Studie zur Religionsgeschichte der Letten und Litauer*. Köln; Weimar; Wien.
- Michalski, J. (Ed.). (1984). *Historia Sejmu polskiego. T. 1: Do schyłku szlacheckiej Rzeczypospolitej*. Warszawa.
- Misans, I. (2005). Organisation und Ablauf der livländischen Land- und Städtetage. *Jahrbuch für die Geschichte Mittel- und Ostdeutschlands*, 51, 49–62.
- Mühlen, H. v. (1994). Das Ostbaltikum unter Herrschaft und Einfluß der Nachbarmächte (1561–1710/1795). In G. von Pistohlkors (Ed.). *Baltische Länder. München: (Deutsche Geschichte im Osten Europas)* (p. 174–265). Berlin.
- Müller, L. (1595). *Septentrionalische Historien*. Amberg.
- Pistohlkors, G. v. (Ed.). (1994). *Baltische Länder, München 1994 (Deutsche Geschichte im Osten Europas)*. Berlin.
- Ramm-Helsing, H. v. (1936). Das Livlandproblem in der politischen Korrespondenz Polens im 16. und 17. Jahrhundert. In *Sitzungsberichte der Gesellschaft für Geschichte und Altertumskunde zu Riga. Vorträge zur Hundertjahrfeier am 6–9. Dezember 1934* (p. 101–128). Riga.
- Rauch, G. v. (1986). Deutschbaltische Geschichtsschreibung nach 1945. In G. v. Rauch. *Geschichte der deutschbaltischen Geschichtsschreibung* (p. 399–435). Köln; Wien.
- Raudkivi, P. (1991). *Maapäeva kujunemine. Peatükk Liivimaa 14.-15. sajandi ajalooliselt*. Tallinn.
- Raudkivi, P. (2007). *Vana-Liivimaa maapäev. Ühe keskaegse struktuuri kujunemislugu*. Tallinn.
- Renner, J. (1953). *Livländische Historien 1556–1561*. Lübeck.
- Renner, U. (1988). Herzog Magnus von Holstein als Vasall des Zaren Ivan Groznyj. In N. von Angermann. (Ed.). *Deutschland–Livland–Rußland. Ihre Beziehungen vom 15. bis zum 17. Jahrhundert* (p. 137–158). Lüneburg.
- Rüssow, B. (1967). *Chronica der Prouintz Lyfflandt, Bart 1584* [Ndr. Hannover-Döhren].
- Schirren, K. (Bearb.). (1861–1881). *Quellen zur Geschichte des Untergangs livländischer Selbständigkeit*. Bd. VI. Nr. 926. (p. 337–342); Bd. VII. Nr. 942. (p. 46–50); Bd. VII. Nr. 973 (p. 152–155). Dorpat.
- Schmidt, Ch. (2000). *Auf Felsen gesät. Die Reformation in Polen und Livland* (p. 210–221). Göttingen.
- Seppel, M. (2005). Die Entwicklung der „livländischen Leibeigenschaft“ im 16. und 17. Jahrhundert. *Zeitschrift für Ostmitteleuropa-Forschung*, 54, 174–193.
- Sokołowski, A. (Ed.). (1887). *Dyaryusze sejmowe r. 1587. Sejm konwokacyjny i elekcyjny*. Kraków (Scriptores Rerum Polonicarum; 11).
- Staemmler, K.-D. (1953). *Preußen und Livland in ihrem Verhältnis zur Krone Polen 1561–1586*. Marburg; Lahn.

Straube, G. (2003). Die „polnische Gegenreformation“ in Livland. In B. Dybaś und D. Makiła (Eds.). *Prusy i Inflanty między średniowieczem a nowożytnością. Państwo – Społeczeństwo – Kultura* (p. 117–123). Toruń.

Straube, G. (2008). „Poļu pretreformacija“. *Merķi un realitate. Latvijas vesture*, 72, 4, 18–24.

Sucheni-Grabowska, A. (1996). *Zygmunt August król polski i wielki książę litewski 1520–1562*. Warszawa.

Tarvel, E. (1964). *Fol'vark. Pan i poddanny'j. Agrarny'e otnosheniya v pol'skih vladenyah na territorii yuzhnoj E'stonii v konce XVI – nachale XVII veka* [Polish landowner and vassal. Agrarian relations in Polish lands on the territory of southern Estonia in the late XVI – early XVII century]. Tallin.

Tarvel, E. (1969). Stosunek prawno państwowy Inflant do Rzeczypospolitej oraz ich ustrój administracyjny w l. 1561–1621. *Zapiski Historyczne*, 34, 49–77.

Tazbir, J. (1958). Propaganda kontreformacyjna wśród chłopów inflanckich (1582–1621). *Kwartalnik Historyczny*, 55, 720–739.

Thielemann, G. (Ed.). (1968). Franz Nyenstädt's weiland rigischen Bürgermeisters und königlichen Burggrafen, Livländische Chronik, nebst dessen Handbuch. In *Monumenta Livoniae Antiquae*, 2. [Mitaui], 1835–1837 [Ndr. Osnabrück 1968].

Tiberg, E. (1984). *Zur Vorgeschichte des livländischen Krieges. Die Beziehungen zwischen Moskau und Litauen 1549–1562*. Uppsala.

Tyszkowski, K. (1939). *Polska polityka kościelna w Inflantach (1581–1621)*. Gdynia.

Uluots, J. (1935). *Grundzüge der Agrargeschichte Estlands*. Tartu.

Volumina Legum. Przedruk zbioru praw staraniem XX Pijarów w Warszawie od roku 1732 do roku 1782 wydanego. Ohrzycki. T. 2. (1859). Petersburg.

Wipper, R. (1928). David Hilchen. Die erste rechtliche Fixierung der Leibeigenschaft in Livland. *Filologu biedrības raksti*, 8, 225–240.

Wisner, H. (1970a). Kampania inflancka Krzysztofa Radziwiłła w latach 1617–1618. *Zapiski historyczne*, 35, 9–34.

Wisner, H. (1970b). Wojna inflancka 1625–1629. *Studia i Materiały do Historii Woj-skowości*, 16, 27–93.

Wisner, H. (1991). Wojna polsko-szwedzka w Inflantach 1621–1622. *Zapiski Historyczne*, 56, 4, 45–69, 467–491.

Wisner, H. (2001). Spór o rozejm litewsko-szwedzki w Baldenmojzie z 1627 roku. *Zapiski Historyczne*, 66, 1, 23–36.

Wisner, H. (2002). *Rzeczpospolita Wazów. Czasy Zygmunta III i Władysława IV* (p. 252–266). Warszawa.

Wisner, H. (2005). *Kirchholm 1605*. Warszawa.

Wittram, R. (1954). *Baltische Geschichte. Die Ostseelände Livland, Estland, Kurland 1180–1918. Grundzüge und Durchblicke*. München.

Wittram, R. (Ed.). (1956). *Baltische Kirchengeschichte. Beiträge zur Geschichte der Missionierung und der Reformation, der evangelisch-lutherischen Landeskirchen und des Volkskirchentums in den baltischen Landen*. Göttingen.

Ziemlewska, A. (2006). „Rozruchy kalendarzowe“ w Rydze (1584–1589). *Zapiski historyczne*, 61, 107–124.

Ziemlewska, A. (2008). *Ryga w Rzeczypospolitej polsko-litewskiej (1581–1621)*. Toruń.

Zigmantas, K., Mäesalu, A., Pajur, A., & Straube, G. (1999). *Baltimaade ajalugu* (p. 77–84). Tallinn.

Translated by PhD Andreas Keller

The article was submitted on 18.04.2014

Юрген Хайде, Dr.

Германия

Гуманитарный центр

по изучению истории и культуры

Восточно-Центральной Европы

при Лейпцигском университете

juergen.heyde@uni-leipzig.de

Jürgen Heyde, Dr.

Germany

Centre for the History and Culture

of East Central Europe

of the Leipzig University

juergen.heyde@uni-leipzig.de